

ЛЮБОВНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Марина Туровская

Зона Топь

Марина Туровская

Зона Топь

«ЭКСМО»

2008

Туровская М.

Зона Топь / М. Туровская — «Эксмо», 2008

Наконец-то Маша обрела счастье – она собирается замуж за любимого человека. Но мечты о близкой свадьбе и тихих семейных радостях летят в тартарары. Волею судьбы и в силу неумности натуры она оказывается в секретнейшем месте – Зоне Топь, где все подчинено законам некоего таинственного Аристарха, который правит этим мини-миром, ставя безжалостные опыты над людьми и природой. Похищение, рабство, принудительная стерилизация здоровых женщин и мужчин, продажа жизненно важных человеческих органов за рубеж... Но среди этих ужасов есть место дружбе, любви и даже чуду – вот только удастся ли Маше во всем разобраться и понять, где истинные друзья, где враги?..

© Туровская М., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Туровская Марина

Зона Топь

Каждый день мы изменяем Природу, и каждый миг она изменяет нас.

Часть первая

Половина восьмого утра. Синяя морозная прозрачность за окном. Рассвет в минус двадцать семь. Под двумя одеялами так тепло, так тепло. Рядом сопит Кирилл. В своей комнате спит сын Данила.

Как же хорошо, когда дома все хорошо...

На тумбочке зазвонил телефон. Пришлось высунуть руку в холодный воздух.

– Алло, – обреченно вздохнула я в трубку.

– Дети, в школу собирайтесь, петушок давно пропел, – хрипло сообщил братец.

При мысли, что придется вставать и топтать по вымерзшему за ночь дому, захотелось натянуть одеяло на голову и не шевелиться до апреля. Но от брата под одеялом не спрячешься.

– Кукареку, Толик. Ты уже встал или сначала решил заморозить мне настроение?

– Маня, – Толик откашлялся, – я уже в магазине. Хмырь, что живет за кемпингом, в особняке, замерз. Позвонил в шесть утра, попросил «за ради Бога» пять штук обогревателей. У него ребенок маленький, я и встал.

– Гуманист. От меня что надо?

Лежащий рядом Кирилл проворчал что-то насчет нашего с братом трудоголизма. Я плотнее закуталась в одеяло и слушала Толика.

– Машка, обогревателей осталось десять штук, автомобильных аккумуляторов пять, а электропледов и грелок для ног по две штуки.

Мой внутренний оранжевый голос, отвечающий за финансовые операции и сохранение здравого смысла, завопил: «Подъем! Кассовый аппарат зовет!»

– Встаю, – мрачно сказала я.

– Кстати, печь я затопил, так что скоро и до второго этажа тепло дойдет.

– Спасибо, Толик! Вот за это мое тебе искреннее сестринское спасибо!

– Да ладно тебе, говорунья.

Я положила трубку и высунула ногу из-под одеяла. Нога оказалась в шерстяном носке. О! Я все-таки люблю себя.

«А наплюй на все. Верни ногу в теплое гнездышко, протяни руку и достань из тумбочки початую бутылку сладкого ликера. Пусть магазин подождет», – загундел болотный голос, отвечающий за мои удовольствия и лень. У меня еще есть внутренний голубенький голосок – сентиментальный, интуитивный, жалостливый, но он самый тихий и выступает реже других.

Здравый оранжевый голос напомнил о некоторых подвижках в моем организме, при которых пить ничего крепче кваса не рекомендуется, и сначала правая, а затем и левая ноги нащупали на полу тапочки-арбузики, зелено-полосатые, с красными ушками.

Встав, я нагнулась к Кириллу и поцеловала в плечо. Кирилл прогудел: «Не тормози, я еще сплю» – и плотнее укутался в одеяло.

На туалет-ванную-завтрак ушел час, и я с чистой совестью, что никого не разбуду в девять утра, начала обзванивать поставщиков.

Усевшись за кухонным столом на первом этаже, я посматривала на синий рассвет за окном, подсвеченный фонарем, на сосны и заснеженные деревья. На улице, в прямом смысле этого слова, трещал мороз. Я с ужасом представила, что выходить из дома все-таки придется.

Налив пол-литра горячего сладкого чая с тремя дольками лимона, я раскрыла толстенную записную книжку. Пришлось сделать одиннадцать звонков, узнавая наличие нужных товаров на складе.

Как всегда, самые низкие цены оказались не в соседнем Осташкове или в более дальней Твери, а в Москве.

Я могла заказать товар по каталогу, но тогда товар придет только через три-четыре дня, а нам, как всегда в торговле, нужно сейчас и немедленно. Но главное, у меня в последнюю неделю было такое странное состояние, которое я не испытывала уже много месяцев. Скукота!

Торговля в нашем с братом собственном магазине шла хорошо, хотя зима и не сезон для хозяйственного магазина.

Наш хозяйственный магазин не пришлось закрывать, а вот все мелкие магазинчики и торговые палатки «вымерзли», когда температура упала до минус тридцати двух. В этом году в России перекрыты рекорды не по разовым низким температурам, которые бывают каждый год, а по их продолжительности. Поэтому в магазине ежедневный аншлаг отопительных приборов. От керосинок и масляных калориферов до электрогрелок и кварцевых ламп.

На личном фронте тоже тишь да благодать – Кирилл рисовал зимние пейзажи из окна моего теплого дома, иногда помогал по хозяйству и частенько оставался на ночь.

Окончательно ко мне он пока не переехал, отговаривался тем, что после свадьбы еще наживется.

Мой пятилетний сын Данила потихоньку готовился к школе и активно дрессировал ризеншнауцера Ривза.

То есть дома поселилась стабильность, а в магазине провисли заработанные деньги. Значит, появилось время и возможность съездить в столицу, пощупать новый товар и купить всем подарки к нашей с Кириллом свадьбе. Развлечься.

Взвесив «за» и «против», я не стала будить Кирилла и просить поехать со мной. Он вчера весь вечер сидел перед телевизором и грелся двумя одеялами – снаружи и сорокаградусными напитками – внутри. Короче говоря, не боец. Будет жаловаться весь день, что ему скучно и холодно.

Уже одевшись, я поднялась на второй этаж. В нашей спальне поцеловала сонного Кирилла, в детской – Данилу и черного Ривза.

При выезде из поселка зашла в магазин.

Брат неспешно ходил по торговому залу, сверяя по накладным наличие товара.

– Толик, – я встала перед прилавком. – Не забудь закупить продукты, холодильник пустой. И проследи, чтобы Данила съел суп.

– Какой суп? – Толик сонно посмотрел на меня.

– Который ты сварить. На Кирилла надежда маленькая. И вообще, Данила не его сын, а мой, и твой племянник, между прочим. Пока будешь суетиться по хозяйству, поставишь моего красавчика за прилавок. Товара все равно мало, справится.

– Машка, заканчивай дурью маяться, – брат кинул бумаги на прилавок. – Давай найдем домохозяйку, на хрен мне по дому с половой тряпкой шариться и у плиты стоять.

– Толя... – Зубы мои свело от недовольства. Терпеть не могу тратить кровные денежки на неоправданные расходы. – Я подумаю.

Сев в машину, я наметила себе маршрут – Митинский радиорынок, китайский ресторан «Шелковый путь» и магазин «Москва» – все четыре этажа.

Длинная полупустая дорога всегда вызывает у меня ощущение будущего приключения. Как подготовка к Новому году и ожидание перемен к лучшему... У некоторых людей ожидания сбываются. Например, у меня. Хотя...

Гоня свой «Лексус» между заснеженных деревьев леса, сквозь деревушки и города, я уговаривала себя уgomонить непонятно откуда появившееся чувство тревоги.

У меня в жизни практически все сформировалось. Работа, о которой я мечтала, обожаемый ребенок, отличные родители, хороший дом, братец-умница и красавец-любовник, обреченный через месяц стать мужем. «Благодари Бога и не суетись», – «строил» меня оранжевый голос. И только тонкий червячок – «так хорошо долго не бывает» – точил душу.

И еще я корила себя за то, что решила поставить Кирилла за прилавок. Узнав об этом, все наши местные девицы не поленятся и припрутся в магазин поболтать с ним, попозировать для набросков. И каждая не забудет ему напомнить, что я, его будущая жена, на пять лет старше его, и намекнуть, что я его купила.

Нет, я его не покупала. Он добровольно поддался моей влюбленности.

В прошлом году мы попали в большие передраги, и Кирилл повел себя очень достойно, помогая мне и моей подруге Ане выпутаться из них.

И вообще я ему нравлюсь. Это он мне доказывает почти каждую ночь.

И хватит трястись от ревности.

«Ты же беременна! – напомнил мне мой здравый смысл оранжевого цвета. – Конечно, мужчина может уйти из семьи и от собственного ребенка. Он может уйти от богатой жены...» И тут, как всегда, встрял циничный болотный голосок: «Но чтобы уйти одновременно от богатой жены и от собственного ребенка – такого практически не бывает».

До Москвы по свободной трассе пролетела на час быстрее обычного.

В два часа дня я бодро вошла на территорию Митинского рынка... и выползла оттуда обессиленная в половине седьмого вечера. Пересмотрела и перещупала десятки образцов, пересчитала все варианты скидок, выпила с поставщиками два литра кофе.

И какой, спрашивается, к едрене фене, ресторан «Шелковый путь»? Половину горячей курицы гриль, пол-литра апельсинового сока – и спать. А завтра с утра отдать документы в банк на оплату и днем совершить особый подвиг – то, что я делаю с душевной болью и зубовным скрежетом, – потратить деньги в магазине на себя и родных. И домой, домой.

Моя любимая и единственная близкая подруга Анна живет в Москве, и логично было бы заночевать у нее, но в этом году она впервые в жизни отправилась в заграничное турне по Италии, вместе с мамой и племянником. Так что придется мне перебиваться в гостинице.

Я человек скромный, меня лично от «Пекина» или «Рэдиссон Славянской» тошнит, особенно от тамошних цен, поэтому, вырулив со стоянки Митинского радиорынка, я через полчаса припарковалась во дворе невзрачного дома, который был частной гостиницей. На первом этаже неназойливо заманивал к себе ресторанчик.

* * *

В восемь вечера в его секторе были заняты только два столика. Негусто для субботы. А все морозы. Хотя грех жаловаться – четверо мужчин серьезного вида, сидящие ближе к кухне, пили водки в три раза больше своей привычной нормы, а на водке делается основной навар.

Сделав предварительный расчет в блокноте, Жора увидел поднятую руку за дальним столиком. За ним сидели парень и девушка, сразу честно предупредившие – на этой неделе им исполнилось по двадцати одному году и они официально хотят выпить. Но не в подезде с друзьями, не на кухне при родителях, а друг с другом в хорошей обстановке, благо возвра-

щаться до дома им пять шагов. Таковой подход к ритуальному действию «упиться в зюю» вызывал уважение.

Закуску парочка выбрала скромную, без выпендрежа, но вкусную. Девушка пила наравне с парнем, но хмелела медленнее.

Жора, не переставая строго улыбаться, заменил им графин и взглянул на столик Лены, за который только что уселась клиентка. Ничего особенного, среднего росточка, пухленькая, одета неброско, но дорого. Явно пришла поужинать, а не мужика снять. Такие дают чаевых мало, но зато «не кидают».

Проходя мимо нее с тяжелым подносом, Жорик обратил внимание на телефон. Очень дорогой. Не телефон, а мини-компьютер с видеокамерой.

– ...Я могу тебя завтра в Шереметьево подхватить, как раз поеду из Москвы домой... Я специально подгадаю к прибытию самолета... В Зону Топь не собираешься?.. Пошутила, пошутила я... А как мама перенесла перелет из Италии?.. Хорошо? А Вовка?.. Прекрасно...

Хорошо, что Жорик успел поставить поднос на свою рабочую тумбочку, иначе выронил бы. Словосочетание «Зона Топь» из шести с половиной миллиардов населения планеты Земля знают от силы тысячи полторы, причем усиленно об этом молчат.

Вспотев от волнения, Жора достал свой блокнот и смотрел в него, слушая разговор толстушки.

– Анечка, я обязательно к тебе заеду, но через неделю. Мне документы для налоговой готовить, скоро конец финансового года, а у меня завтра большие проплаты по банку...

При имени «Аня» Жора перестал сомневаться в знаке Судьбы. Если он сегодня не воспользуется выпавшим случаем – полкопейки ему цена.

Переставив заказ на столик «совершеннолетних», Жора заставил себя ни разу не оглянуться, пока не зашел на кухню. Там он спрятался за косяк и осторожно выглянул.

Ну, точно, эта... как ее... Маша, или Маруся, сидела ела салатик «Цезарский», пила апельсиновый сок и чувствовала себя прекрасно.

Но как же к ней подойти? Испугаться она не испугается, но может послать, после ужина уехать, и где он тогда найдет свой следующий шанс вернуться в Зону Топь?

Мимо Жоры пролетела Леночка с подносом, уставленным дорогим заказом как раз для той Маруси.

Со второго столика, где сидели серьезные клиенты, дали отмашку, и Жора поспешил за новой бутылкой водки и мясным ассорти.

Возвратившись в зал, он, выставляя на стол заказ, остро почувствовал зуд в пальцах рук и в позвоночнике. Так было при ожидании приятного свидания, при выигрыше в лотерею, при радостном известии.

И теперь он, Георгий Владимирович, воспользуется шансом все изменить, или халдеить ему Жориком до пенсии, а в старости бутылки по дворам собирать.

Эта атаманша наверняка знает, где находятся Аня и Ленчик.

Аня вряд ли захочет с ним разговаривать, а Ленчик – он хоть и опасный, зато богатый.

Зайдя на кухню, Жора поманил вертлявую Леночку.

– Лена! Хочешь красиво и много срубить чаевых?

– С кого? – Леночка смотрела весело, но недоверчиво. – Я и так без хороших процентов не остаюсь. Учись, Жора, как улыбаться надо. Не дружественно и на равных, а открыто и искренно, но чуть подхалимажно. Учись.

– Ленка, Леночка, Ленок, красивейший ты цветок. – Жорик поправил воротник теплого джемпера Леночки. – Значит, тебе мой совет не нужен, ладно...

Жорик взял поднос и, сделав деловое лицо, пошел к кассе. Лена остановила его, схватив за лацкан пиджака.

– Стой. Я погорячилась, давай колись.

– Так вот. – Жорик сверху вниз посмотрел на Леночку, как бы примеряясь, по плечу ли ей задача. – Предложи вон тому бублику женского пола забронировать номер в нашей гостинице.

– А я не пролечу со своими советами? – Леночка выглянула в зал, оценила «бублик», лежащие на столе рядом с тарелками дорогой телефон и ключи с автосигнализацией от «Лексуса». И сразу же деловитая посетительница стала симпатичнее. – Хотя... действительно... Ладно, пойду рисковать.

* * *

Предложение забронировать номер пришлось как нельзя кстати. Ублажив желудок салатом, жульеном и жареной свиной отбивной, я почувствовала, насколько устала от дороги, от переговоров с поставщиками, от мороза.

Официантка сама быстро оформила все бумаги и принесла мне ключ от номера.

До своей кельи добрела на автопилоте и через полчаса спала здоровым сном.

Ночью меня разбудил стук в дверь. Если бы не голос, монотонно повторяющий: «Маша, Маша, мне поговорить надо», я бы ни за что не встала.

Часы на столике показывали два часа. Мистика какая-то. В захудалой гостинице, в Москве, со мной кто-то рвется поговорить.

Открыв дверь, я первым делом увидела в двух вытянутых руках поднос с бутылкой коньяка, пакетом сока, толстокожим лимоном и шоколадкой. Затем из полутемного коридора материализовался мужчина незнакомой наружности.

– Маша, поговорить нужно. Меня Жорой зовут. Пустишь?

– Проходите. – Я запахнула накинутое на себя одеяло. – Подождите минуту, я оденусь.

Пока я в спальне натягивала джинсы и свитер, мужчина в гостиной разлил коньяк по гостиничным бокалам и нарезал лимон.

Меня слегка знобило от внезапного просыпания, и я прихватила с собой одеяло.

Жора сидел в кресле и ожидал меня с серьезным видом.

– Маша, я заочно знаком с тобой и твоей уникальной подругой Анной. Сегодня услышал разговор по телефону про некую Зону и решил зайти поговорить.

Я наступила на край одеяла и чуть не упала.

«Поменьше трепаться надо в общественных местах, – противно заверещал мой болотный голос. – Болтун – находка для шпиона!»

Плюхнувшись на диван, я внимательно оглядела молодого мужчину, внешне весьма похожего на прапорщика Шматко. Вроде простецкая внешность, а глаза умненькие.

– И чего от меня нужно? – Взяла в руки рюмку и тут же поставила обратно. – Мне нельзя алкоголь, налей сока.

Жора проворно метнулся в ванную, сполоснул стакан, налил сок и выдохнул:

– Очень хочу знать, где сейчас Ленчик.

– Понятия не имею, – честно ответила я. – Скорее всего, в больнице для психов.

– Н-да, – парень расстроено плеснул себе коньяка на полбокала.

– А-а... – Я не знала, как осторожнее сформулировать вопрос. – А что вы слышали о... Зоне?

– Я с августа по декабрь был в Зоне Топь. Привез туда посылку от Ленчика для академика Аристарха Кирилловича.

Моя рука непроизвольно опять потянулась к рюмке коньяка, но переместилась к бокалу с соком.

– Посылкой, как я понимаю, вы называете двоих детей?

– Да. Двоих детей четырех лет. Ленчик выкупил их из специальных детских домов. – В три глотка выпив коньяк, Жора подышал, приходя в себя, и сжевал дольку лимона. – Эх, хорошо... Так вот, Маша, могу похвалиться, но дети теперь устроены в семьях гораздо лучше, чем некоторые при родных родителях.

– Рада слышать. – В номере все же было прохладно, и я опять натянула одеяло на плечи. – Зачем тебе Ленчик, Жора?

Налив себе еще полбокала, Жора не стал медлить и выпил коньяк залпом. Глазки заблестели, в лице появилась доверительность.

– Я, Маша, хочу свою жизнь изменить. К лучшему. Не в криминальном смысле, а самому стать более цельным человеком. Я, когда с Ленчиком встретился, понял, что полжизни ху... фигней страдал. А с Ленчиком не соскучишься.

Зевота не давала мне нормально говорить.

– Жора, извини, у меня режим. А где Ленчик сейчас, я действительно не знаю.

Жора встал.

– Извини, спокойной ночи.

– Надеюсь. Коньяк заberi, а то не справлюсь с искушением, потом переживать буду.

Не глядя, Жора прихватил коньяк и тарелочку с нарезанным лимоном.

– Ты беременна?

В глазах Жоры, что меня очень удивило, была искренняя радость за меня.

– Да, Жора, я жду второго ребенка.

Жора поклонился, и в недопитой бутылке булькнул коньяк, а с тарелочки сползла долька лимона.

– Поздравляю. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – проговорила я, запирая за ним дверь.

Быстро раздевшись, я плюхнулась в кровать.

* * *

Март в Италии – уже буйная весна. За раскрытыми окнами гостиницы солнце грело древние мостовые Пьяченцы. Незнакомые деревья благоухали сладкими запахами. Каждый клочок земли цвел пестрыми цветами. Фиалки и бархотки, крокусы и анютины глазки радовали глаз.

Вовка в окно подглядывал за Анной. Та рассматривала витрину магазина сувениров. А все вокруг рассматривали Анну. Не было ни одного мужчины, не обратившего на нее внимания. Один даже врезался в стену, заглядевшись на стройную девушку с длинными русыми волосами, с синими глазами, в легком белом платье. Она была похожа на Афродиту пенорожденную.

Продавец в магазине открыл дверь и, размахивая руками, пригласил Анну войти. Она сделала шаг вперед, и тут на нее налетел высокий парень. Они столкнулись лбами, и парень без сознания рухнул на тротуар. Анна недоуменно наблюдала за его падением и потирала пальцем лоб. Место ушиба никак не проявилось и даже не покраснело.

Продавец нагнулся к парню, осмотрел и расстроено взмахнул руками. Достав мобильный, он, вероятно, стал вызывать «Скорую».

Аня села рядом с лежащим парнем, провела ладонью над головой. Тот очнулся, зажмурился, увидев Анну, и медленно встал. Продавец с удивлением наблюдал за сценой. Аня улыбнулась замороженному парню. Она не стала заходить в магазин, а перешла дорогу и зашла в гостиницу. Спасенный парень и продавец смотрели ей вслед.

В номер Вовчика постучали, и вошла Валерия Николаевна.

– Вова, ты собираешься в музей? – Валерия Николаевна посмотрелась в большое зеркало у двери, поправила волосы. Она была одета в легкий строгий костюм. – Аня ждет нас в холле на первом этаже.

– Я готов, – с сожалением ответил Вовка.

Ему совсем не хотелось в музей, он бы лучше посидел за компьютером, поиграл бы в стрелялки или поболтал в чатах, но спорить с тетей себе дороже. Обидится и лишит карманных денег.

Валерия Николаевна и Вовчик, делая вид, что им невыразимо интересно, ходили по залам музея в Пьяченце.

Зато Аня получала громадное наслаждение, ходя по прохладным залам. В последний раз она была в музее в пятом классе и сильнее всего запомнила, как пряталась от сочувствующих ее внешности взглядов в туалете Третьяковки. Тогда она была низенькой худющей уродицей с прыщавым лицом. Теперь ее облик вызывал зависть и восхищение. А ей было все равно. Ей слышалась музыка, похожая на вальс, и хотелось кружить по мрамору музея-дворца в окружении картин и скульптур художников, чувствующих жизнь так же остро, как она.

На ходящего за Аней мужчину первой обратила внимание мама.

– Анечка, вон тот парень с бандитской внешностью вторые сутки смотрит на тебя со странным выражением.

– На нее половина мужчин Италии смотрят с таким выражением, – весело проговорил Володя, доедая мороженое. – Но только этот придурок таскается за нами по всем музеям.

– Почему же придурок? – Аня два раза коротко взглянула на молодого мужчину.

Среднего роста, длинные волосы, смуглый. Глаза темные, широкий нос, огромный рот. Яркая внешность. Одет в джинсы и драную легкую куртку, очень дорогую. Кроссовки на нем были тоже не дешевые.

Действительно, она его видела и сегодня и вчера. Заметив ее внимание, мужчина улыбнулся широкой пастью с крупными белыми зубами и, разведя руки в приветствии, начал изъясняться на итальянском языке метров за пятьдесят от них.

К моменту его подхода к Анне все соседние туристы знали, чего именно восхищенный художник хочет от прекрасной девушки классической наружности.

Мама, хвалившаяся перед поездкой беглым знанием итальянского языка, мультяшно быстро листала разговорник, сверяя с ним комплименты мужчины. Все произнесенное вроде бы оказалось приличным и допустимым для общения.

– Мам, ты или сама переводи, или сейчас кто-нибудь другой начнет...

Валерию Николаевну, Вовчика и Анну обступала толпа, в которой появились понимающие лица российских туристов, каждый выдвигал свою версию. «Снимает он ее!», «Не-е, он картину хочет подарить...», «Да нет же, сфотографироваться на память желает...».

– Если коротко, – Валерия Николаевна сделала уверенный жест, и туристы чуть смолкли, – то он хочет тебя нарисовать.

– И мама с сыном могут сидеть рядом для вашей безопасности, – блеснул знанием итальянского языка хорошо одетый мужчина искусствоведческой наружности. – Советую, девушка, соглашайтесь. Я Луиджи знаю, он модный художник. И денег с него за позирование сразу же попросите, пока он ловко не заставил вас позировать бесплатно.

Анне ситуация нравилась. Италия, теплынь, внимание людей, по тем или иным причинам зашедших в прекрасный музей. И мужчина ей нравился, и старик, похожий на эмигранта, наследника царских белогвардейцев.

Минуты три Аня улыбалась, ожидая действий с чьей-либо стороны, но всех опередила мама.

– Минуточку. Вот вы, мужчина. – Валерия Николаевна дотронулась до пиджака искусствоведа. – Давайте захватим этого активного молодого человека и все вместе сядем в кафе. Иначе скоро мимо нас экскурсоводы начнут проводить туристов, включив в экспозицию!

– И я их понимаю, – проникновенно сказал мужчина. – Юрий Владимирович Топорков. А вас как, сударыня?

Подхватив Юрия Владимировича под локоть, мама повела его к выходу.

– Слава Богу, что не Трубецкой-Вяземский, – прошептала Валерия Николаевна. – А то бы я заподозрила здесь аферу.

– Мама, ты о чем?

– Я тебе потом объясню. Я Валерия Николаевна, это Володя, мой племянник. А это Анна, моя дочь. Единственная.

– Не буду говорить слов «прекрасная и неповторимая», боясь показаться банальным. Но в вашей дочери бездна очарования. В родном Питере я бы не стал садиться с вами в кафе, чувствуя себя... – Юрий Владимирович нахмурился, – сводником. Но Италия расслабляет.

Вовчик выразил свое мнение о происходящем, скептически скривив рот и утрированно закатив глаза. Итальянец широко улыбался и не сводил взгляда с Анны.

Площадь от музея пересекли за пять минут, расселись за широким деревянным столом летнего кафе на тротуаре.

– Моя дочь, – начала врать Валерия Николаевна, – долгое время серьезно болела.

– Что-то с нервами в позвоночнике после автомобильной аварии, – быстро подхватила Аня. – Мама, ты о чем сейчас хочешь поговорить?

– О тебе. Ты слишком много времени провела в больнице. Тебе необходимо отвлечься от компании престарелой мамыши и подростка племянника. – Она взглянула на соседний столик, где трое парней пили пиво, переговариваясь на русском матерном. – Нашим российским туристам я не доверяю.

Придерживая подол легкого платья, стремящегося показать всей Пьяченце идеальные ноги хозяйки, Аня шутливо возмутилась:

– А этому итальянскому обормоту доверяешь?

– Да, – с сомнением сказала мама. – Я хочу твой портрет и даже согласна за него заплатить. Милый Юрий...

– Владимирович.

– Да. Переведите, пожалуйста, этому темпераментному художнику, что Анна будет ему позировать начиная с сегодняшнего дня. Пусть забирает дочку, только предъявит документы и оставит телефон.

Не меняя приветливого выражения лица, Юрий Владимирович перевел длинный текст и чуть повернулся к Валерии Николаевне.

– Я перевел, но вы в своем...

– Я в своем уме. Мою Аню нельзя обидеть.

Обернувшись всем телом, Юрий Владимирович заглянул Анне в глаза и увидел в них мудрость взрослого человека одновременно с жадой приключений.

– Я вам верю.

С легким удивлением наблюдая за рукой художника, который записывал на салфетке свой телефон, Анна перевела взгляд на Вовчика.

– А как же я с ним разговаривать буду?

– Понятия не имею, – весело пожал плечами племянник.

– Хорошо. – Аня встала, поправила легкий джемпер. – Раз уж меня родная мама сосватала на позирование, чего тянуть. Буду в гостинице часов в одиннадцать.

Сделав несколько шагов по площади, обрадованный художник взмахнул рукой, тут же напротив тормознуло такси – и перед Аней открылась дверца автомобиля...

Аня смотрела по сторонам, восхищаясь постройками древнего города. Ветер доносил запахи цветущих олив, растущих на тротуарах и в маленьких садиках между домами. На балконах сушилось белье и подушки, из открытых окон улыбались любопытные итальянки, зеленели плети плющей, ползущие по стенам.

Так странно, что она сейчас здесь, в Италии, а не в промерзшей Москве и тем более не в поселке Топь, в котором провела почти четыре года. Вряд ли кому еще приходилось пережить столько, сколько ей.

Военный поселок Топь остался там, в России, в далекой лесотундре.

Три с лишним года назад Анна уехала из Москвы за своим мужем Григорием. Григорий Арцибашев служил начальником охраны в особой Зоне Топь. Приехав в отпуск к родной сестре, он, неожиданно для всех и особенно для себя, женился на дурнушке Ане, которая умудрилась попасть под колеса его автомобиля, когда Гриша возвращался из казино.

На Ане он женился в первую очередь из жалости, а во вторую – из желания видеть рядом свою собственную женщину. А еще она была хорошо образованна, интересна как собеседник, из семьи научных работников – папа, между прочим, академик, но главное и самое важное – влюблена в него без памяти.

Зона и поселок располагались над месторождением радиоактивной руды. В Зону для работы в шахте переправлялись острожники с пожизненным заключением, то есть с отсрочкой смертной казни. Долго в Зоне Топь «контингент» не выживал. Лечить их было экономически невыгодно, а о моральном аспекте для особей, совершивших преступления, выходящие за рамки человечности, думать не полагалось. Зэков только обследовали, выявляя особо интересные для медицины случаи.

На большинство людей радиация оказывает отрицательное воздействие, с Аней же произошло чудо.

В поселок она приехала ростом метр пятьдесят пять и весом в сорок килограммов. Плохая кожа и мальчишеская фигура не прибавляли красоты. За первый год она выросла на десять сантиметров, пополнела и обрела фигуру Венеры. Григорий влюбился в собственную жену и ревновал ко всем подряд. И зря, Анна любила только мужа. И они счастливо прожили почти два года.

А потом случилось несчастье. Григорий, на которого местные отклонения действовали отрицательно, заглушал свой страх водкой. Однажды он сильно напился и замерз в снегу по дороге домой. И тогда, оставшись без его защиты, Анна попала в лабораторию Зоны Топь.

Начальник и фактический владелец Зоны и поселка Топь Аристарх Кириллович Лоретов, решил исследовать феномен Анны. Она не просто выросла и похорошела, у нее кардинально изменился состав крови, мышечной ткани и вообще всего организма. Каждая клетка тела была лекарством для другого человека. Она стала бесценной. Ее кровь могла излечить смертельно больного, ее пот мог омолодить кожу безнадежного старика.

Такие феномены случались в истории человечества, но не часто, и на современном уровне они не изучались.

Аристарх обманом заманил Анну в секретную лабораторию и продержал там год, испытывая все значимые лекарства. От аспирина и викасола до антибиотиков, наркотиков и антидепрессантов.

Прошлой осенью этот ужас закончился. Ане удалось сбежать из Топи. В пути она познакомилась с Машей, ставшей ей близкой подругой.

Теперь она с любимой мамой и Вовкой путешествует по весенней Италии, и у нее начинается любовное приключение. Понятно, что мама нарочно отправила ее с художником – знает, что больше года у дочери не было ни романтических отношений, ни мужчины вообще.

А завтра она возвращается домой, в Москву.

* * *

Тетка Полина решила, что ее любимой Хавронье, в которую она вложила столько денег, пора приносить прибыль, то есть поросят.

Хавронья была куплена «по случаю». Везли в Москву косяк голландских хрюшек для выставки, а одна приболела. Ее оставили в ветеринарной клинике в Клину, на случай либо выздоровления, либо списания.

Именно в этот день тетка Полина приехала в клинику кастрировать своего сошедшего с ума от любвеобильности кота с редким именем Вася.

Вдовой тетке Полине было жалко мужской силы Василия, но уж очень сильно он орал ночами во дворе и рвал обои в доме. В большой комнате, которую тетка по привычке называла «залой», кот умудрился сорвать со стены ковер. Лазая по столам в поисках еды и развлечений, Вася разбил две чашки. Соседи посоветовали кота кастрировать, предрекая, что дальше может быть хуже.

В клинике тетка Полина еще оплачивала дорогостоящую, по ее мнению, операцию, а Василий уже лежал в операционной без существенной части тела.

Получая из рук медсестры полусонного кота, тетка Полина заметила, как уборщица открыла кладовку, где на полу лежала хрюшка.

Хавронья отличалась особой красотой: вместо белесой щетины – рыжеватая шерсть, ресницы не белые, а коричневые, и взгляд умный.

– А кто это у вас? – Полина показала пальцем на кладовку. – Там?

– А это уже ничего. Болеет она.

Акт о списании хрюшки был уже подписан. Медсестра с врачом считали, по сколько они выручат за мясо на рынке.

С детства работая на свиноферме, тетка Полина сразу оценила, чего стоит лежащая на полу свинья.

– Так я ж ее выхожу. Я ж о такой хрюшке всю жизнь мечтала. Породу хочу разводить.

Вышедший из операционной врач переглянулся с медсестрой.

Второй день ветеринаров останавливала медицинская этика. Мясо мясом, но свиношюшка была уж очень хороша. Да еще с паспортом.

– У тебя деньги-то есть? – спросила Полину медсестра. – Остались после кота у тебя деньги?

Посмотрев на потолок, затем на свинью, лежащую в углу кладовки, тетка Полина все-таки решилась.

Расстегнув пальто, затем вязаную кофту, через ворот теплого платья она залезла за пазуху. Пошуровав в бюстгальтере, Полина вытащила клеенчатый кошелечек с металлическим замочком – кругленькими пимпочками.

Лет сорок такому кошелечку. Как он смог сохраниться, да еще на жаркой груди хозяйственной тетки – подобный феномен науке еще изучать и изучать.

В кошелечке были спрятаны «подкожные». Не «заначка», рассованная между страницами четвертого тома собрания сочинений Антона Павловича Чехова, и не «сбережения», лежащие под процентами на сберкнижке, а именно «подкожные», с которыми хозяйка расставалась только в бане. Четыре бумажки по пятьсот рублей.

– Две тысячи. Последние. – Тетка Полина просительно улыбнулась сначала врачу, затем медсестре и, на всякий случай, уборщице.

Врач сдался первым. Умертвлять, а затем резать свинью ему не хотелось. Медсестра тут же с ним согласилась и ловко выдернула четыре пятисотки из трудового кулака тетки Полины. То есть Хавронью спасла красота.

В деревне каждый пришел посмотреть на Хавронью. Не ленились приводить приезжающих в гости родственников.

Породниться с Хавроньей желали три семьи, сдержанно, но настойчиво расхваливающие своих хряков. Денег за случку брать не желали, только потомство.

Боясь конкуренции, с левого конца деревни пришла в гости кума Ирина.

Ирина начала с главного – выставила на стол тетки Полины не самогон, а настоящую водку и жареную курицу под закуску. Через полчаса плотного ужина завела неспешный разговор.

– Твоя Хавронья дама голландская, морозоустойчивая, будет приносить по пятнадцать поросят, что дорогого стоит. Это я, Полина, понимаю. Но ведь и у моего Борьки приличная родословная. Ихненное потомство запросто дипломы на выставках получит, следовательно, на любом мясокомбинате другое отношение, мясо закупают вне очереди и цена приличная. На рестораны и кафе будем работать.

Тетке Полине и высказанное уважение, и коммерческое предложение понравились. Сговорились «соорудить» случку в ближайшие дни, то есть завтра, ближе к обеду.

* * *

Садясь в машину, я услышала перезвон телефона.

– Алло. – Одной рукой я взяла телефон, другой достала косметичку.

– Манька! – рявкнул в трубку голос брата. – Ты охренела? Ты почему не звонила? Я думал, ты телефон потеряла, так и... блин с ним, но почему не звонишь?

– Толя, милый, прости, отключила вечером телефон и забыла. – Засунув трубку в «гнездо» на передней панели, я красила глаза. – Так устала вечером, так устала. Сняла номер в гостинице, объелась вкуснейшим ужином и уснула.

– Объелась? – Толик помолчал. Он у меня ростом метр семьдесят два и столько же в плечах. Качает железо и очень следит за диетой, считая, что лучше переест, чем недоест. – Тогда понятно. Отобрала товар?

– Уже еду оплачивать. – Я подкрасила губы. – Подъезжаю к банку. Как самочувствие, как дела в магазине?

– Осталось два обогревателя и так, по мелочи.

– Не бойсь. – Я завела мотор и осторожно вырулила с платной стоянки. – Товар обещали загрузить сегодня же. Как там Кирилл и Данила?

– Мы все тут вкальваем... – Толик отвлекся. – Тот обогреватель мощнее и разница всего в пятьдесят рублей, идите оплачивайте, а то и его заберут... Алло, Маня! Мы все, мужики, тут, в магазине! Я, Кирилл, Даник и Ривз. В доме холодно. Ты подумала насчет домработницы?

– Конечно. – Я положила косметичку в бардачок. – Только об этом и думаю. Толик, из деревни к нам никакая работница не наедится, из дачного поселка никто не пойдет, там люди богатые. То есть нужно брать работницу на проживание. А если я с ней не уживусь?

– Ты ни с кем не уживешься, Машка. Ладно, работай.

Мне стало обидно... но, действительно, пора ехать в банк.

В банке я передала все нужные бумаги, подписала платежки. Перекинула деньги со своего счета на нужные счета.

Мне кажется, с такой работой может справиться любой старшеклассник, даже не интересно. Самый творческий раздел экономики заключается в составлении бизнес-плана. А вот поэзия, то есть высшее достижение творчества в экономике – это сочинение отчетов. Вот тут я самовыражаюсь по полной. Тут моя фантазия работает без ограничения.

Какой я испытываю кайф! Эти вычисления многоходовок, перекидывание денежек на дополнительные счета, подтасовка чеков и авансовых отчетов. О! Да! Особенно, когда удастся нае... обмануть нечестных поставщиков и максимально минимизировать расходы. Про налоговую я не буду рассуждать. Святое не трогаем.

Уже в машине мне перезвонили поставщики с Митинского, подтвердили получение денег и обрадовали начавшейся отгрузкой. С чистой душой я отправилась в универмаг «Москва».

Первую покупку я сделала, как всегда, с трудом. Трясущейся рукой протянула кассирше кредитку, повлажневшим взглядом проследила за процессом снятия денег и получила коробку с сапогами на немислимом каблуке, с шелковой ручной вышивкой на голенище и со стразами. Страшно смотреть, особенно на цену. Но положение обязывает, пора становиться состоятельной замужней дамой и заканчивать с имиджем уматывающейся на работе матери-одиночки.

Вторая покупка прошла легче – купила Толику длинное пальто. Ценник оставила, пусть братец чувствует заботу.

А дальше понеслось – нижнее белье себе; трусы брату и Даниле; розовый полушубок из мутона, отделанный песцом, понятное дело кому; перчатки лайковые на всю семью, включая маму и отчима Бориса Ивановича.

Пять мужских джемперов, два из которых – Кириллу. Себе десять пар колготок и три юбки. И так, еще по мелочи, тысяча на двадцать. Парфюм и золотой браслетик – себе, стельки от потных ног – братцу. Напоследок вспомнила о мужских носках. Тридцать пар всех расцветок.

То есть кассу универмагу я сделала и кредитку свела почти под «ноль».

* * *

Вон она, со стоянки вырывает, на серебристом «Лексусе».

Жора прислонился лбом к оконному стеклу.

Уехала возможность. Теперь придется по морозу тащиться домой, отсыпаться, а вечером опять прислуживать за столами. И так еще двадцать семь лет, до пенсии. Если раньше не выгнать.

Стекло леденило лоб.

Жора думал о своей ненависти к нищете. Самое главное, он ненавидит себя. У него нет денег, нет семьи и нет надежды изменить свою судьбу. Был, был шанс, а он его просрал.

И что теперь? Чего он ждет? Если хорошенько подумать... Неужели он не уговорит Машу дать ему возможность переговорить с Анной, а через нее узнать телефон Топи? Сможет!

Адрес Маши есть в гостинице, оформляли ее по паспорту. Бегом!

Но не все так быстро делается, как хочется. Администратор сдала все бумаги вчерашних постояльцев в бухгалтерию, а бухгалтерша придет только к обеду.

Хотелось сорваться с места немедленно. Но... он всю жизнь либо ничего не делал, чего-то ожидая, либо срывался с места не подумав.

Вот куда сейчас могла поехать Маша? Не домой, это точно, домой она могла и вчера доехать, не тратя времени и денег на ресторан. Значит, у нее дела в Москве. Ну, точно, вчера она говорила о банке. Значит, полдня времени у него есть.

... Три часа и двадцать две минуты Жора разгадывал кроссворды в холле гостиницы. Он встретил бухгалтершу с таким выражением счастья на лице, что замужняя, чуть перезрелая и абсолютно циничная дама решила все-таки осчастливить полудурка Жору интимной близостью. Может быть, даже на этой неделе.

Деньги бухгалтерша выдала без задержки. Адрес Маши Жора нарыл сам.

Поцеловав размякшую бухгалтершу, Жора быстро дошел до директора, наплел ему про заболевшую бабушку и помчался.

Он сбежал по лестнице, захватил дубленку и выскочил на улицу, забыв переменить лаковые туфли на зимние сапоги.

Его синяя «Мазда» согрелась довольно быстро, и он погнал машину на Ленинградскую трассу.

* * *

... В такси Луиджи сидел в полуметре от Ани, улыбался своим мыслям. Минут через десять такси въехало в тесный дворик.

Таксист, принимая деньги, сворачивал голову в сторону Ани и экспрессивно орал «белиссимо» и «меравигиосо».

Луиджи водителя не слушал, он взял Анну за руку и помог выйти из машины.

Студия оказалась просторным помещением на третьем этаже старого дома, со стеклянной крышей и белыми стенами.

Стоящие вдоль глухой стены высокие зеркала были с бархатными шторами, сейчас закинутыми на обратную сторону. На деревянных стеллажах, плотно друг к другу, как книги, корешками к посетителям, стояли десятки картин.

Анну Луиджи посадил на белый куб. Жестами показал снятие блузки и юбки. Анна раздевалась без ненужного жеманства. Взамен одежды Луиджи дал ей прозрачный шарф и закрепил его римской брошью на левом плече, оголив правую грудь.

Сидеть – вернее, полулежать, пришлось часа три. Больше Анна не выдержала. Встала, обошла удивленного художника и посмотрела на мольберт. Набросок был хорош. Анна понравилась сама себе. В зеркале она выглядела... проще. А в наброске были лето и страсть.

Не раздумывая, Анна расколола брошь, и шарф упал на пол. Луиджи правильно понял ее желание, и они занялись любовью прямо на полу, на прозрачном шарфике. Совсем не стыдно и очень приятно.

После душа Анна опять забралась на куб и просидела два часа.

Теперь не выдержал Луиджи. Он, с изменившимися от желания глазами, накинулся на нее прямо на кубе, не снимая шарфика.

Анна решила, что на сегодня хватит. Оделась и попросила проводить ее до такси.

Луиджи суетился, улыбался, долго не отпускал руку, даже когда она села в такси, и показывал на своем сотовом цифру 10.00.

Анна ответила «о'кей» и, немного уставшая, поехала в гостиницу.

Мама ждала ее, сидя на балконе гостиницы. Завидев, побежала открывать дверь.

– Ну как? Ты мне честно скажи, я не зря тебя к нему отправила?

– Не зря. Хочу кушать и спать.

– Тогда действительно не зря, – заулыбалась мама. – Через полчаса общий сбор в ресторане. А я совсем не хочу есть, меня и Вовку закармлил наш новый знакомый, Юрий Владимирович. Взял путевку на три недели и на второй заскучал.

Зевнув, Аня похлопала себя ладошкой по губам.

– Я буду рада вашему роману.

Обернувшись к зеркалу, Валерия провела пальцами вокруг глаз, оживляя тонкую кожу.

– Не знаю, Аня, не знаю. Мы завтра улетаем, а он остается еще на неделю. Разберемся в России.

На следующее утро Анна приехала ровно в десять. Отпустив такси, она подняла голову и увидела в окне мансарды осунувшееся лицо Луиджи. Он чуть не вывалился от радости!

Быстро сбежав вниз, он прямо на улице начал орать что-то восхищенное, целовать руки и лицо. В окнах соседних домов показались любопытствующие. Не обращая на них внимания, Луиджи стал тыкать в дисплей своего телефона, в цифру 10.00. Аня достала свой телефон и показала ему время.

Схватившись за голову, Луиджи стал указывать на две буквы в правом углу дисплея. Оказывается, он ждал Аню вчера в десять вечера. Сказав «сорри», немного обиженная Анна повернулась и пошла в сторону ближайшей широкой улицы, где ездил больше машин. Вопль Луиджи заставил ее подпрыгнуть и распахнуться все окна в соседних домах.

Схватив Анну за руку, Луиджи силой потащил ее в подъезд и не отпускал, пока они не поднялись на третий этаж.

Сначала они занимались любовью на незамеченном ею вчера диване, затем в душе, а потом Аня попросила перерыв. Три часа она отдыхала на кубе, с шарфиком на плече, а затем тут же занималась любовью с Луиджи.

И вдруг ей резко надоело подобное занятие сексом: когда она не понимает ни слова из разговора партнера. Внезапно она заметила, как назойливо громко он говорит, слишком сильно ее хватает и слишком часто дышит. Анна быстро оделась, показала жестами «хватит», тридцать раз повторила «Ноу!» и вылетела на улицу.

Такси поймала тут же и благополучно сбежала в гостиницу.

Днем автобус отвез их в Рим, и Юрий Владимирович махал рукой, глядя только на маму. А вечером они летели в Москву.

Володя просматривал фотографии в фотоаппарате, Аня спала, Валерия Николаевна мечтательно смотрела на облака за бортом.

* * *

Хряка привезли в час дня.

Из прицепа к «Жигулям» Ирина и ее муж Коля с гордостью вывели розового кабанчика килограммов на двести.

Оценив параметры Борьки, тетка Полина благосклонно кивнула, разрешая доступ к телу.

Делегация направилась к дощатому сараю, выкрашенному в веселенький желтый цвет.

Хавронья с ужасом смотрела на здорового кабана, который тут же стал деловито к ней принюхиваться. Хавронья широким задом вжалась в стенку утепленного сарайчика, решив не сдаваться розовому нахалу.

Прошел час, другой. Время близилось к трем. Наблюдатели, пристроившись на сене в углу, уже допили первую бутылку самогона и закусили салычем от родственника Борьки, а Хавронья все не подпускала к себе ухажера, борясь за девичью честь.

Она уворачивалась, прыгала и рычала, выставляя немалые клыки. При очередном маневре хрюшка снесла боковую перегородку. Начала трещать задняя стенка сарая.

Ирина толкнула в бок супруга, и тот, перестав рассматривать грязные ноги, предложил помочь созданию семейных отношений. То есть подержать Хавронью, пока к ней пристроится хряк.

Полина, глядя своей любимице в глаза, начала уговаривать, объясняя, что с девственностью все равно придется расставаться, так уж лучше под руководством опытных людей да с хорошим мальчиком, чем не пойми с кем и на чужом дворе.

Хавронья внимательно слушала хозяйку, иногда повизгивая, но, вильнув мощным боком, хряка к себе не допускала.

Двухсоткилограммовому «мальчонке» надоело уговаривать «девушку», и он пошел гулять по сараю. Хавронья от усталости завалилась на бок, отдыхая.

Обойдя по периметру сарай и сожрав попавшуюся на пути горку моркови, апельсиновые очистки и старый шерстяной шарф, хряк решил, что он отдохнул, перекусил, пора и любовью заняться. И рванул к невесте с новыми силами и конкретными намерениями.

Хавронья от страха шарахнулась к задней стенке сарая, надавила – и та проломилась под ее ста пятьюдесятью килограммами. А хряк все наседавал, норовя выказать скопившуюся страсть.

Хавронья, не желающая переходить из статуса девушки в статус женщины, вывалилась во двор. Пробуксовав в снегу посередине двора, она рванула на полной скорости в сторону дороги, скользя копытами по замерзшим лужам... Хряк припустился за ней.

На такие мелочи, как заборы, люди, кусты или автомобили, ни перепуганная Хавронья, ни воспылавший любовью хряк Борька внимания не обращали.

За двумя дипломированными свиньями с озабоченным видом бежала тетка Полина, кума Ирина и ее супруг Колян, на ходу допивающий желтую самогонку из второй поллитры.

* * *

Немного было мутновато в голове от недосыпа из-за разговора с Жорой, слегка подташнивало и очень хотелось пить, но я твердо вела машину по трассе Москва – Питер, надеясь до вечера добраться до дома.

В глазах слегка мерцали и рябили пейзажи за ветровым стеклом, но я надеялась, что справлюсь... Зря.

Сразу за Клином ожил сотовый телефон. Сначала я поговорила с братом, он очень переживал из-за возможного опоздания купленного товара. Следующий звонок был от мамы, она радовалась потеплению. Кирилл позвонить не соизволил, видимо не сомневаясь в моем скором появлении и в том, что я не изменю ему «никогда», то есть в ближайшие лет десять.

Меня опять начали грызть пираньи ревности... Но Судьба на свете есть! Позвонила моя любимая подруга Аня. Как только приземлилась в Шереметьеве, а это было минуту назад, так сразу набрала мой телефон.

Я только-только проехала Клин. До Шереметьева было раз в десять ближе, чем до дома. Голос Анны обещал интересные рассказы и сувениры.

– Аня, так соскучилась по тебе. Хочешь я развернусь, подхвачу тебя, маму и Вовку в аэропорту и отвезу домой?

– Если тебе не трудно, – как всегда, тоном английской леди начала благодарить Аня...

Радуюсь скорой встрече, я начала тормозить, готовясь к развороту... и это спасло мне жизнь.

Глазам своим не поверила, когда из кювета дороги, слева, под колеса моего «Лексуса» метнулась огромная коричневая туша.

Я крикнула в телефон: «Аня! Черт!» – и подпрыгнула, нажимая на тормоза, но поздно. Сильнейший удар заставил вильнуть машину вправо, руль дернулся, и два пальца левой руки целкнули нестерпимой болью. И, может быть, обошлось бы без дальнейших осложнений, но непонятно откуда выскочил огромный розовый свин, и второй удар снес машину в кювет справа.

Машина упала на правую сторону и, свалившись с дороги, перевернулась. Крыша и пол поменялись местами, окна залепило снегом. Сиденье сдвинулось со своего места и вжало ноги в живот. Руль ударил меня в лицо.

Я теряла сознание и захлебывалась собственной кровью.

Тетка Полина кинулась к Хавронье, отлетевшей к краю дороги в глубокий сугроб, и бросилась на нее сверху, проверяя пульс. Свинюшка смотрела на хозяйку страдающими глазами, подхрюкивая, просила помощи. Животинку трясло от боли и холода. Тетка Полина сняла с себя теплый пуховый платок и накрыла им Хавронью как одеялом, подталкивая края под бока.

– Потерпи, моя девочка. Чуть-чуть потерпи.

Борька остался на асфальте, пытался встать, вертя налитыми кровью глазами, Ира бегала вокруг свина, причитая: «Маленький мой! Живой мой мальчик!»

Колян отбросил бутылку и в два прыжка спустился с дороги. Черный «Лексус» лежал колесами вверх среди девственного белого поля, наполовину утонув в образовавшемся сугробе. К машине вела утрамбованная крышей автомобиля дорога умятого снега. Колеса «Лексуса» еще крутились.

Проваливаясь по грудь в снег, Колян обошел машину, счистил с ветрового стекла снег. Изнутри по стеклу стекала клякса крови.

Сильно дернув дверцу со стороны водителя, он сделал шаг назад, на всякий случай. Из машины в снег кулем вывалилась молодая женщина. Лицо залито кровью, в правой руке зажат телефон.

С дороги сбегали Полина и Ирина.

– Что там, Коля? Жив шофер?

Николай разжал послушные пальцы пострадавшей, в телефонной трубке настойчиво спрашивал женский голос: «Алло, алло, Маша, Маша... Алло... Кто-нибудь ответит?» Он поднес телефон к уху.

– Алло. Это Николай. На черном «Лексусе» ваша знакомая?

– Да, моя подруга Маша.

– В аварию попала ваша подруга, – Николай шмыгнул носом, – в хреновую.

– Она жива?

– Так непонятно еще. Вот, лежит в снегу, лицо в крови. – Николай нагнулся, потрогал шею. – Господи, где ж, блин горелый, они тут пульс щупают?

– Николай. – Голос Анны стал спокойным. – Вы сначала продиктуйте мне адрес аварии, а затем постарайтесь положить Машу обратно в машину. На улице минус двадцать, в снегу она замерзнет. И сразу звоните в «Скорую» и в ГАИ. Я приеду через полчаса, я в Шереметьево.

– Понял, не дурак деревенский.

Несмотря на то что его колотило от холода и нервного потрясения, Колян толково объяснил, на каком километре машина потерпела аварию, дал привязку по местности.

Следующие звонки он также сделал быстро и вразумительно, зная, что его голос записывается и на «Скорой», и в милиции. Времени, чтобы обезопасить себя от большого срока, оставалось мало.

Обе кумы, отвлекшись от контуженых свиней, спустились к машине и топтались на снегу рядом, оглядываясь по сторонам.

Ирина плакала, прикрывая варежкой лицо.

– Очнись, зараза. Полина! – Коля пнул жену в спину. – Оттащи пострадавшую на метр в сторону. Ира, кончай реветь белугой, а то врежу! Мы толкаем машину! Слышите? Надо поставить ее на колеса.

– Нас посадят! – редела в голос жена.

– Толкаем на счет три, Ира! – Для приведения жены в чувство он дал ей весомый подзатыльник. Помогло.

Они уперлись в бок машины, и Коля напряжением собственных рук понял, насколько разнятся по весу его «пятерка» «Жигулей» и этот «Лексус». И фиг бы они поставили машину на колеса, но случилось чудо. На трассе из притормозившей машины им на помощь выпрыгнул молодой мужик. Он встал рядом с Колей, и они все вместе стали считать: «Раз, два, три!»

Машина встала на колеса. Через минуту пострадавшая лежала в салоне, с обогревателем, включенным на всю мощь. Но печка работала несильно. Плохо работала.

* * *

«Лексус» толстой Маши обогнал его сразу после Клина и почти скрылся из вида, но вдруг стал медленно притормаживать. Через полминуты на трассу выскочила сумасшедшая коричневая свинья и со всей дури влетела в бок машины. «Лексус» вильнул, но устоял на дороге, продолжая медленное движение. Хрюшка, с визгом несмазанных колесиков на хозяйственной сумке, скатилась в кювет.

Преследующий свинюшку толстый хряк, видимо, принял автомобиль за соперника и пошел на сознательный таран.

На глазах Жоры «Лексус» чуть подпрыгнул, найдя устойчивость, но правые колеса крутились в пустоте кювета. Машина съезжала с трассы. Начав движение в поле, он перевернулся и, упав на крышу, проехал несколько метров, утрамбовывая снег в белом пустом поле.

Розовый кабан остался на дороге, тупо мотая огромной мордой. Затем медленно свалился на бок.

Жора снизил скорость до десяти километров, не веря в происходящее.

Метрах в пятидесяти перед его капотом дорогу перебежал деревенский мужик. Вслед за ним две тетки. Одна сначала общупала кабанчика на дороге, другая кинулась в кювет, причитая над коричневой хрюшкой. Затем обе побежали к перевернутой машине.

Жора нажал на тормоза. Его «Мазду» протащило несколько метров по обледенелой дороге, и она чудом не наехала на кабанчика, остановившись у самого его хвоста.

Оценив обстановку, Жора выскочил из машины и бегом спустился в снежное поле.

Коля и особенно ревущая в голос Ира обрадовались ему как родному.

– Ой, мужик, да нам тебя сам Бог послал! Помоги машину на ноги поставить.

В минуту они вчетвером перевернули машину, разложили сиденья и уложили внутрь Машу.

Ира задыхалась от слез, тетка Полина не плакала, только бледнела от мороза и молилась так, будто ругалась, требуя у Господа помощи и сострадания.

Перед тем как захлопнуть дверцу «Лексуса», Коля поставил печку на самую большую мощность, но, видимо из-за удара, печка работала плохо.

Стоять среди поля по колени в снегу, с холодеющими ногами, в лакированных ботинках для ресторанного зала, было бессмысленно. Жора и Коля выбрались на дорогу и стояли с запачканными в крови руками. Оба вытерли руки об колючий снег сугроба. Коля протянул правую для знакомства.

– Колян. Едрицкая сила, ну и холодрыга.

– Жора. – Он пожал протянутую мокрую руку со стекающей розовой, от смывтой крови, водой. – Сейчас бы выпить.

– И я про то же, блин горелый.

Переглядываясь, мужчины стряхивали снег с брюк, из-под дубленок, перестукивали друг об дружку обувь.

Жора продолжал настаивать, решив не упускать случая остаться рядом с Машей.

– Показания все равно давать придется... и холодно. Я бы выпил, деньги есть. Только как я потом за руль сяду?

Облегченно вздохнув, Колян закурил «Союз – Аполлон» из мягкой пачки и затараторил:

– Мужик, да ты ж помог женщину от смерти спасти... надеюсь. – Он перекрестился. – Не оставь нас в милости своей, Господи... А тут такой случай... Короче... мой это кабанчик, на развод держу. И надо его срочно отвезти с дороги, иначе и я, и жена моя, и кума – все пойдём под статью с этими... с отягчающими. Ты, Жора, как видно, нормальный мужик. Ты это, заночуй у нас. Мы тебя как родного встретим-приветим... если ты не спешишь никуда.

– Не спешу, – твердо ответил Жора. – Какая помощь нужна?

Им навстречу нетвердой походкой брел кабан Борька. Колян поманил его и погладил по загривку.

– Выжил, Борька-скотинка. Жора, я свою машину буду разворачивать херову тучу времени, а времени как раз-то в обрез. Не успеваю, блин горелый. Короче, увезти Борьку надо. Тут недалеко, – Колян возбужденно замахал руками, показывая, куда именно везти. – С полкилометра будет, за крайним в деревне домом направо.

Колян обжег пальцы скуренным бычком и тут же достал новую сигарету. Жора пошевелил мокрыми пальцами, и Коля выдал ему сигарету. Закурили. Жора сделал две затяжки, откинул бычок.

– Поехали. Грузи своего хряка в багажник. Не выскочит?

– Не должен.

Проезжающие мимо аварии машины снижали скорость. Коля, вертя руками, показывал им, чтобы проезжали, что все нормально. И водители, сочувственно улыбаясь, с легким сердцем ехали дальше.

Но одна из машин в шашечку, с желтым гребешком на крыше, ехала целенаправленно к ним и тормознула рядом.

Коля обернулся. Из такси вышла молодая женщина такой красоты и обаяния, что он невольно выкинул в снег дымящуюся сигарету, вытер руки о дубленку и поправил шапку. Женщина протянула руку:

– Здравствуйте, я Анна, мы с вами разговаривали по телефону. Видите, успела доехать за пятнадцать минут. Где Маша?

– А тама. – Колян махнул рукой в сторону поля. И откуда только слова взялись? Он заговорил быстро, захлебываясь слюной: – В «Лексусе». Жена моя, Ирка, и кума Полина с подругой вашей рядом. Подруга живая, только ранена... И как такое случилось, ума не приложу. Мы идем, а она, то есть машина, р-раз и подпрыгнула на кочке, а тут свинюшка машину боднула, и автомобиль полетел туда, в снег. Хорошо, что снег, хорошо, что не насмерть. Мы все так переживаем, так переживаем...

Анну, уставшую от перелета, от волнения за Машу, чуть пошатнула волна отчаянного вранья, исходящая от нервно говорящего мужчины.

– Что она жива, я знаю. Скажите, Коля...

Аня, видя его растерянность и непонятную причастность к произошедшему, чуть приподняла руку, добиваясь полного внимания.

Коля впервые в жизни ощутил, как морозный воздух обтек его лицо, постепенно нагреваясь от теплого к горячему. Но это еще было ничего, не так страшно, с похмелья и не такое бывает, а вот глаза, глаза красивой барышни, улыбающейся так понимающе, так приветливо... Твою мать! Не соврешь ей ничего!

– Скажите, Коля, а как все на самом деле случилось?

– Гадом буду, простите нас, дураков грешных! Мы виноваты. Мы все! – Воздух у лица и вокруг горла стал чуть прохладнее, и появилась возможность вдохнуть полной грудью. Коля

заговорил спокойней и искренней: – Виноваты, но не напрямую. Короче, свадьбу мы сегодня свинячью делали, а они, скотины здоровенные, взяли да и на дорогу сиганули. Сбили они подругу вашу, то есть машину, сволочи хрюкающие.

Анну «отпустило». Коля говорил правду, и теперь Машу, которую бил холод там, в машине, стало легче спасать.

Анна спускалась в снежное поле, увязая по колена, а местами проваливаясь в междурыдья по самую середину бедер, не придерживаясь глубоких следов людей, спасавших Машу. Она спешила.

А Коля, стоя на дороге, кричал вслед:

– В общем, «Скорую» и ГАИ мы вызвали! Первую помощь, как смогли, оказали! Вы уж извините, за ради Бога, я на десять минут отъеду. Мы договорились с Полиной, это у которой невеста свинюшка, виноватой будет только ее Хавронья, а мы своего жениха Борьку спрячем!

Аня не слушала, ее беспокоил только черный автомобиль с кровавым пятном на ветровом стекле. Она отмахнулась на ходу.

– Делайте как хотите...

Жора, пережив минуту откровенного страха, взбодрился, поправил на себе дубленку. Коля тут же почувствовал смену его настроения.

– Слушай, Жора, а как же он в багажник залезет? В смысле, Борька. Багажник у тебя высоко, а за досками мы не успеваем. Сейчас гаишники будут.

– Надо подумать.

Жора краем глаза наблюдал за действиями Анны, делающей какие-то манипуляции внутри «Лексуса». Тетка Полина и Ира наблюдали за нею, открыв рты.

– Ты смотри! – Колян нагнулся и достал из сугроба пол-литра мутной жидкости. – Не разбилась. Глянь, Жора, я ее на автомате пробкой закрыл, не пролилась. Я глотну.

Взболтнув самогонку, Колян встал «горнистом» и разом выпил полбутылки. После «глоточка» обтер рукавом дубленки горлышко и передал Жоре.

– Пей, а то совсем сейчас дуба дадим, блин горелый.

Не споря, Жора взял залапанную бутылку и быстро ее допил. Самогоночка оказалось ядреной, градусов в шестьдесят.

– Значит, так, Колян, подтвердишь потом, при разборках с ГАИ, что я был трезвый. Фиг с нею, с обивкой, затаскивай на заднее сиденье своего подростка.

Огромный свин, покачиваясь и мотая глупой головой, с которой медленно стекала струйка крови, преданно смотрел на хозяина. На открытую дверцу среагировал правильно, сунул морду внутрь салона и ждал, когда его запихнут в машину.

Жора одним пинком ноги вдавил его между сиденьями.

– Ты настоящий мужик, – растрогался Коля. – Если с той бабой, которая в поле слетела, все нормально будет, мы с тобой сегодня вечером трехлитровую банку самогона раздавим. Закуска за мой счет. Хоть бы она не померла.

Перед тем как сесть за руль, Жора не удержался и посмотрел в сторону «Лексуса». Зрелище было необычным. Анна достала из внутреннего кармана шубы одноразовый шприц, разорвала упаковку. Надела иглу, привычным движением взяла у себя из вены кисти левой руки кровь и ввела Маше.

Сев в машину, Жора снял шапку и вытер пот.

– Поверь, Колян, теперь девушка в машине выживет.

* * *

Я летела затылком вперед по черному бездонному коридору с зыбкими стенами.

Постепенно уходило ощущение тела. Сначала еще оставался затылок, затем только мозг, а после осталась душа. Но она состояла из шести прозрачных оболочек вокруг седьмой, более плотной и темной.

Душа занимала размер не то вселенной, не то бесконечно малой части микрона.

Впереди или где-то появился свет. Яркий до невозможности. Если бы у меня оставалось зрение, я бы ослепла.

Все ощущения изменились и умножились (была бы в добром здравии, сошла бы с ума) – были видны звуки и слышен цвет.

Белый свет нарастал, и вместе с ним нарастало ощущение полного понимания меня, для себя единственной. Понимания и прощения всех вольных и невольных грехов, которые теперь, перед невозможным ярким светом, оказались детским баловством. Осталось чувство всепрощения и бесконечной любви. Бесконечной любви и готовности принятия меня здесь, в вечной умности, отрешенности счастья.

– Мне здесь хорошо, но у меня Данила, – ощутила я свое слабое сопротивление обволакивающему меня счастью.

– Тебе еще рано сюда, – пришел в голову не голос, а понимание этого выражения.

Взрыв... и надо мной сияла операционная круглая лампа с четырьмя кругами. Белый больничный потолок.

– Очнулась, – сказал невидимый женский голос.

– Я живая, – сказала я, и полились слезы.

– Бормочет чего-то.

Надо мной склонилось лицо женщины в возрасте. Над верхней губой чернел пушок, глаза внимательные, но холодные.

– Ее в реанимацию или сразу в палату?

Справа послышался женский профессионально-равнодушный голос:

– В реанимации холодно, топят плохо, она там окочурится, крови-то в ней совсем нету. Везите в палату.

Простыня подо мной напряглась, и меня перенесли на твердое и холодное. «Каталка», – не сомневалась я.

– Одеяд сверху побольше положите, штуки три, сейчас ее начнет трясти, – беспокоилась за меня усатая медсестра.

Потолок операционной сменился на коридорный и плыл надо мной. Навалилась боль. В лице, в низу живота, в пальцах левой руки.

– Болит, – пожаловалась я.

– Конечно, болит, – отозвалась усатая медсестра. – С того света тебя вытащили, а этого без боли не бывает.

– Пальцы... левая... – Я, как смогла, подняла руку.

– Останови, – сказала медсестра кому-то, мне не видному.

Медсестра осторожно подхватила мою руку. Кисть опухла и посинела, мизинец и безымянный пальцы неестественно загнулись в сторону.

– У нее еще и пальцы сломаны. Проморгали, пока операцию делали – рожу на место ставили и кровь останавливали.

– Вызывай заново травму, пусть прямо в палате гипсуют, потом разберемся. Если выживет.

Медсестра опустила мою руку, она ударилась о край каталки, и от боли я потеряла сознание.

Очнулась в палате. В сгибах обеих рук тупо болели вены от воткнутых толстых игл, от которых отходили прозрачные тонкие шланги к стойкам капельниц. На левой капельнице висел пластиковый пакет с кровью. На правой, в круглых гнездах, горлышком вниз, стояли две пухлятые медицинские бутылки с прозрачным раствором.

Обе руки занемели, но я боялась пошевелиться.

Первый раз в жизни я лежала под капельницей. Капающие в вены жизненные растворы и катетер, вставленный между ног, создавали ощущения малоприятные, но успокаивающие.

Стоят капельницы, значит, жива, значит, медицина пока заботится о брэнном теле.

Левая рука ныла особенно сильно. Повернуть голову я не смогла и чуть скосила глаза, отчего голова закружилась до тошноты. На кисти левой руки белел гипс. Из кругляша от запыстья ладони торчали первые фаланги пальцев с обломанными ногтями... Некрасиво.

И еще болело все лицо. Нос и скулы стягивала грубая гипсовая маска. Было трудно дышать, поэтому я дышала открытым ртом. Во рту все пересохло, и хотелось пить.

Полюбовавшись на гипс, на капающую в прозрачном шнуре кровь, я, как смогла, оглядела просторную палату на шесть коек.

Кроме моей, было занято две кровати. На одной сидела молоденькая девушка, с любопытством глядевшая на меня, а на второй спала... Анна.

Девушка, заметив мой взгляд, моргнула пару раз и похлопала по соседней с ней кровати. – Аня. Аня! Она очнулась.

Анна открыла сонные глаза, сладко потянулась, улыбаясь мне. Она не спеша встала с кровати, лениво достала из тумбочки резиновый жгут и толстый шприц, кубиков на десять.

Я непонимающе наблюдала за ее манипуляциями. А Анна привычно перетянула свою руку, забрала из вены в шприц кровь и подошла к моей капельнице. Не успела я задать вопрос, как она вкатила мне в вену свою дозу.

Я попыталась спросить: «Что ты делаешь?» – но язык распух и не шевелился. Во рту был противный вкус запекшейся крови.

Анна взяла с больничной тумбочки плоскую кружку с носиком и напоила меня разбавленным апельсиновым соком. Нектар богов!

Поправив одеяло, Аня села у меня в ногах.

– Помогаю тебе выздороветь. С врачами я договорилась, представилась им твоей сводной сестрой.

– А что со мной было? – прошептала я.

– Автомобильная авария, Манечка. Тебя сбили две свиньи. Одна очень породистая, а другая (кабан) – только наполовину.

Хотелось улыбнуться в ответ на улыбку Ани, но не получилось.

– А машина?

– Машина во дворе тетки Полины. – Аня встала с моей кровати, подошла к раковине и стала умываться. – Тетка Полина – это та женщина, хрюшка которой тебя сбила. Полина с твоего автомобиля пылинки сдувает. Машину привели в порядок, я за нею присмотрела.

– Она за всеми присматривает. – Девушка с соседней кровати привстала. – Она даже свинье, той самой Хавронье, свою кровь ввела. Тетка Полина с утра уже молока принесла и домашней колбасы. Молится за вас. А меня Ниной зовут.

В данный момент мне было по фигу, как зовут соседку, мне просто хотелось выжить, но вежливость заставила проговорить:

– Очень приятно, я Маша.

Слишком много информации для усталого мозга. Глаза закрылись, и я заснула.

Вечером я проснулась, шепча про себя фразу, сказанную усатенькой медсестрой: «Вызывай травму...» Я где?

– Ты в гинекологии, – ответил голос Анны. – Все будет хорошо, ты выздоравливаешь. Лицо Анны наклонилось надо мной. У нее поразительный голос. Слышишь его и безоговорочно веришь.

– Это хорошо... Но почему гинекология?

– У тебя сломан нос, два пальца левой руки, ушиб и смещение костей черепа, сильнейшее сотрясение мозга, трещины ребер... и выкидыш. Десять недель. Было сильное кровотечение.

Я тут же почувствовала тянущую боль в низу живота.

– Болит. – Я заплакала. Не от боли, от обиды.

– Еще бы. Ты спи. Моя кровь и сон тебя вылечат. Спи, спи, спи...

Анна поглаживала мое плечо, и сон мягко пробрался в голову.

Самостоятельно посетить туалет я смогла через три дня. Шла по коридору, пугая дежурную медсестру и пациентов своей бледностью и нереально дорогим атласным пеньюаром, накинутым на ажурную ночнушку.

В тот же день мне сняли с лица гипсовую маску. Вот это было зрелище. Краем глаза заметив опухлость и черные оттенки, идущие от носа к вискам и подбородку, я решила несколько дней на себя не смотреть.

Аня немедленно сняла зеркало, висящее над умывальником, и вручила его Ниночке.

– Держи, тебе оно пока нужнее.

Врачи удивлялись моему гемоглобину, повышающемуся с каждым днем на несколько единиц, и синяк в пол-лица рассасывался быстрее обычного.

За три дня нахождения в сельской больнице на пятнадцать коек я побила рекорд посещаемости.

Первыми примчались мама с отчимом, но, слава богу, без Данилы. Он мог испугаться моего синего лица и торчащих из обеих рук иголок.

Мама смотрела на меня, еле сдерживая рыдания. Но на мой вопрос: «Как я выгляжу?» – отвечала: «Все нормально. Пройдет время, и будет все нормально». Затем я слышала ее фразу, сказанную отчиму в коридоре:

– Если кости на лице срастутся неправильно, положим ее в платную косметологию.

Борис Иванович, у которого, кроме меня, детей нет, высморкался, сдерживая слезы, и гундосо ответил:

– Мы для нее все сделаем, лишь бы выжила.

После чего оба, улыбаясь, вошли в палату и рассказывали какую-то веселую ерунду, стараясь не смотреть на мой нос.

Мама донимала врачей расспросами, закупала лекарства для меня и подарки для медперсонала. Отчим, не теряя времени на мелочи, купил широченный плоский телевизор и с помощью усатой медсестры Валентины, оглядывающей телевизор взглядом собственника, установил на обеденном столе в нашей палате.

Приезжала Анина мама, Валерия Николаевна. Пряча глаза, охала, глядя на меня, и целовала дочь, когда Аня делилась со мной кровью.

Брат навестил два раза. Первый раз вместе с Кириллом, второй раз без него. Отговорился, что Кирюха сидит с Данилой. Но я не сомневалась, Кирилл не очень хотел меня видеть. И из-за потерянного ребенка, который держал его около меня, и из-за моей аварийной внешности.

Толик в первый приезд, сдерживая слезы, проконсультировался с врачом, и та объяснила, какие продукты поднимают гемоглобин, а какие помогают восстановить кровяную клеточную ткань.

Толик из всего перечисленного лучше всего запомнил три названия – яблоки, кагор, черная икра.

И через два часа после его посещения в нашей палате стоял ящик кагора, в задрипанном, плохо отмытом холодильнике красовалась полуторакилограммовая банка черной икры, а в углу палаты стоял небольшой мешок с пятью килограммами красных яблок.

Все навещающие приносили по два-три пакета продуктов.

Привезенные продукты складывали в углу, в скромный больничный холодильник не влезла даже третья часть.

Во второе посещение Толик купил двухметровый холодильник и официально перевел его на баланс медицинского учреждения в качестве спонсорской помощи.

Соседка Ниночка перепробовала все, что приносили нам с Аней, и вслух выдавала комментарии. Оказывается, она никогда не видела авокадо, не ела тигровых креветок, улиток и черной икры.

После поедания деликатесов она чувствовала себя обязанной и старалась ухаживать за нами.

Выстирала мои куртку, джинсы и нижнее белье, залитые кровью. Я ей не мешала, хотя объясняла, что не стоит этого делать, все равно после выписки все выкину. Но Ниночка не слушала и старательно готовила дополнительные блюда, отслеживая, чтобы большая часть из них досталась нам, а не столующимся в нашей палате остальным пациентам больницы.

Врачи и весь медперсонал с самого начала относились ко мне с повышенным профессиональным и человеческим вниманием, а после подарков чуть ли не ночевали в палате. Коробки коньяка, конфет и духов расползались по ординаторской, повышая врачам настроение.

Во второй приезд Толик забрал купленные мною подарки из багажника «Лексуса».

Помочь перегрузить покупки из одной машины в другую вызвалась Ниночка. Когда она надела на свою стройную фигуру джинсы, едва прикрывающие лобок, короткую кофточку до пупка, а сверху тоненький полушубок, стало понятно, почему она попала в гинекологию с микроразрывом яичника. В такой-то одежде и в минус тридцать!

Сегодня было теплее, но все равно минус двадцать. Мы заставили Нину надеть мой джемпер и Анину роскошную шубу. С джемпером Нина еще покочевряжилась, но от соболиной шубы жемчужного оттенка не отказалась.

После часового общения с моим квадратным братом Нина вернулась в палату удивительно тихая и неразговорчивая, а вечером плакала в подушку.

Я тоже плакала ночами, задыхаясь из-за сломанного носа и обиды на Судьбу.

На следующий день Ниночка плохо ела, и все ее разговоры сводились к Толику.

Пришлось ей рассказать, что мой папа бросил маму в мои пять лет. Уехал из города в родную деревню, где сошелся со своей «первой любовью», а точнее, вечной собутыльницей. Они родили Толика, моего сводного братца, и отдали на воспитание бабушке. Через пару лет наш папулька «двинул кони», печень не выдержала.

Когда маму сочувствующие подружки и знакомые спрашивали о папиных запоях, мама очень удивлялась:

– Какие запой? У него состояний, кроме как «упился в задницу», просто не было.

Когда Толику исполнилось десять лет и он совсем отбилась от рук, старенькая бабушка приехала к нам, в Осташков, бросилась маме в ноги и умолила взять Толика к себе. Так что в подростковом возрасте нас обоих воспитывала летом бабушка, а зимой моя мама и отчим Борис Иванович.

Дети так не слушают сказки, как слушала Нина повествование о «милом Толике», которого знакомые, сдерживая рефлекторное сжатие кулаков, зовут «Толян-грубиян».

И опять вечером она, выпроводив напросившихся на ужин женщин из соседней палаты, заревела в подушку.

Отвлекли ее от саможаления странные звуки за окном.

Приложив ладони к холодному стеклу, она внимательно взгляделась в темноту.

– Девочки, вы не поверите. Там свинья.

Аня, преодолев сонное состояние, поднялась с кровати и встала рядом с Ниной. Обе в красивых халатах, стройные, с тонкими талиями, затянутыми поясами, смотрелись топ-моделями, непонятно как попавшими в ободранную палату сельской больницы.

– Машка, там действительно сидит свинья, и я знаю, как ее зовут. Это та самая Хавронья, которая тебя чуть не убила. – Аня отошла от окна и села на соседнюю со мной пустую кровать. – Симпатявая свинка. В первый день ты лежала в коме, делать было нечего, и я пошла в гости. Тетка Полина и Хавронья смотрели на меня жалостливыми глазами. Хрюшку Полина пристроила в доме, у нее, бедной, были переломаны почти все ребра. И я не выдержала, вколола свою кровь. Она выжила, страдалница. Теперь ее к нам тянет.

– И чего с ней делать? – совершенно недоуменно спросила я.

– А ничего. – Анна перешла к своей кровати. – Все само собой образуется. Спи, Манюня, и ты, Нина, спи.

В больнице меня продержали неделю и отчаянно не хотели выписывать.

Физически я довольно быстро восстанавливалась. Но вот моральное состояние оставляло желать лучшего. Мне было плохо.

За день до выписки, утром, сразу после завтрака, меня навестил Жора. Он мял в руках пакет с продуктами и чуть не выронил его, когда в палату вошла Анна.

Обойдя его, Аня заглянула в зажмуренные от испуга глаза.

– Это вы? Я так понимаю, вы за ней специально, – кивок в мою сторону, – тащились из самой Москвы?

Вроде бы ничего особо красивого в Анне не было, но общее впечатление абсолютной, классической гармонии и внутреннего сильного света не давало возможности наврать.

– Я? Да. Я ехал, чтобы тебя... вас встретить. Хочу найти Ленчика.

Аня улыбнулась светлой улыбкой.

– Ленчик в специализированной клинике в Столбах. Можешь навестить.

– Да... я, пожалуй, заеду к нему.

– Но не обижайся, если он тебя не узнает. Ленчик до сих пор не в себе. Спасибо за помощь при аварии. Тетка Полина рассказала о вашей помощи.

– Не за что. Вот тут печенка жареная, от Иры, у которой муж Коля, у которых кабан Борька, который сбил...

– Спасибо. – Аня забрала пакет из рук Жоры.

А он топтался, оставляя мокрые следы растаявшего снега на полу. До сельских больниц пока не дошла привычка надевать на обувь пластиковые бахилы.

После того как ободранная белая дверь закрылась за Жориком, наша соседка Ниночка начала хлюпать носом.

– Никогда, никогда мне не было так интересно. Я хочу с вами. Возьмите меня с собой. Я в своей деревне с ума от скуки сойду, а ведь у меня бухгалтерский техникум, и готовлю я хорошо.

Я посмотрела на Аню, та слегка пожала плечами.

– Звони Толику.

– Правильно.

Я набрала номер брата. Ниночка наблюдала за мной, сцепив пальцы и шепча молитву.

– Алло, Толик, это я. Есть кандидатура, согласившаяся жить в нашем доме и заниматься домашним хозяйством.

Слушая бурчание брата о том, что он запарился готовить два раза в день, но все равно никто нам не нужен, тем более незнакомая тетка, которая будет постоянно торчать перед глазами, я заранее предчувствовала приятную реакцию на свое сообщение.

– К нам на работу просится Нина, соседка по палате. Помогала тебе мои вещи перегружать из машины в машину. Она не хочет возвращаться в деревню. Бухгалтер по образованию, готовит неплохо.

– Берем, – оживился Толик. – Я ее прямо завтра заберу.

Закрыв телефон, я сурово посмотрела на Ниночку.

– Но учти, все мужчины охотники. Помурьжь моего брата хотя бы неделю.

– Урра-а!!! – заорала Ниночка и стала прыгать вокруг моей кровати. – Тогда я сейчас же начну собираться и паковать продукты.

– Продукты, – я погрозила ей пальцем, – мы оставим здесь, раздадим. Аня, как ты думаешь, Жора найдет Ленчика?

Аня нагнулась, удобнее устроила подушку на кровати и утомленно улыбнулась.

– Найдет. Я бы не сказала ему адрес, но своими глазами видела, когда подъехала, как он тебя на руках в машину затаскивал, помогал. Ой...

Аня неожиданно побледнела и села на кровать. Я сначала даже не испугалась. Аня не болела. Никогда. Она физически не могла заболеть, у нее по-другому устроен организм. И вдруг...

– Аня, а сколько ты влила в меня своей крови?

– Ужас сколько! Аж жуть берет! – встряла Ниночка. – Я не считала. Но она еще и хрюшке вкатила.

Меня подкинуло на кровати, и я вскочила, чуть не запутавшись в длинном ажуре ночнушки.

– Аня! Да как ты еще двигаешься?

Аня поманила пальцем, и я, сделав несколько уверенных шагов, наклонилась к ней.

– Мне нужно ехать в Топь, иначе заболею.

* * *

Вернувшись из больницы, Жора выставил на край стола бутылку водки и пакет магазинных котлет. Весь стол был засыпан шинкованной капустой.

Коля, сидя в углу кухни, тер третий килограмм моркови, соорудив на деревянном табурете, застеленном пакетом, оранжевую горку. Ирина брала горсть тертой моркови, кидала на свой стол в капусту, солила, жала ее и укладывала в бочку килограммов на двадцать. Между рядами капусты она прокладывала клюкву и резаную антоновку.

– Вишь, Жора, закуска-то кончилась, новую делаем. Как раз капуста витамин набрала, а сок не растеряла.

Коля первый обратил внимание на настроение Жоры.

– Че такой смурной? Похмелье или с работы позвонили?

Взяв щепоть свежесоленной капусты, Жора стал жадно ее жевать.

– Все, Коля, завтра съезжаю. Провел у тебя отличную неделю. Пора делом заняться.

Ирина, шинкующая новый кочан капусты, переглянулась с мужем.

Они на второй день поняли, что Жорик, как его стала звать Ирина, появился рядом с аварией неслучайно.

Честно сказав, что работает в ресторане официантом, Жора тут же наврал о графике работы – неделя через неделю. И горячо убеждал, что он, как человек городской, давно мечтал отдохнуть «на природе». А тут такое происшествие: и девушку спас, и к людям нормальным в гости попал. В общем, все хорошо, все замечательно – что всегда подозрительно.

Ира, а особенно Колян делали вид полного согласия с версией Жоры. Понятное дело, что врал, но уж очень им нравилось, как он готовил и постоянное наличие денег в его карманах.

Особых хлопот Жора не доставлял, живя в комнате сына, который служил в армии на Дальнем Востоке. А вечером Коле с Ирой было с кем рюмку опрокинуть, поболтать, рассказать о себе хорошее.

В гости стали чаще заходить соседки, норовили задержаться допоздна. Ира с удовольствием принимала «гостинцы» для ужина, но заигрывания пресекала.

На расспросы о семье гость отвечал скупое. То есть семьи не было, ни жены, ни детей. Еще была какая-то Зоя, но Жора на ее счет не распространялся. Один раз по пьянке вспомнил, покаялся в измене, а больше не говорил.

Колян сообщению об отъезде Жоры не обрадовался, нахмурился.

– Жалко, хорошо пожили, блин горелый. Я уж подумывал дом тебе в нашей деревне сторговать... Жаль. В ресторан вернешься? – Коля положил в рот жменьку моркови.

– Нет. – Жора сел за стол. – Халдеить больше не буду, надоело.

Он, не глядя, привычно взял с полки стаканы, разлил водку. Колян благодарно кивнул. Все чокнулись. Колян от души сказал тост:

– Ну, за то, чтоб хер стоял и деньги были.

Все с чувством выпили. Ирина отставила стакан, показывая, что больше не будет.

– Вот интересно, Жора, чем тетка Полина будет расплачиваться с Машей? Ведь она запросто могла уголовное дело завести.

– Она не будет возбуждать дело. – Жора с Колей разлили себе по второй. – Они, что Маша, что Аня... особенные.

Чокнувшись, опять выпили. Коля хитро сощурился.

– А ведь ты, Жорик, знаешь их, девушек странных. Специально за Машей из Москвы ехал.

Занюхав водку ладонью, Жора поставил стакан на стол, в нашинкованную капусту.

– Специально, Коля. Мне нужно было узнать, где находится мой знакомый.

– Узнал?

– Узнал. – Жора разлил остатки водки. – В психушке отдыхает.

После ужина Жора лег в кровать, стоящую у жаркой печи, и задумался. Жизнь вела его к Ленчику.

В прошлом году Ленчик появился во дворе дома Жорика и пригласил поехать вместе в Белоруссию. У него было особое задание от руководителя и владельца Зоны Топь, академика Аристарха Кирилловича. Нужно было привезти в Топь детей. Особых, с определенными данными. Ленчик обещал хорошо заплатить. Жорик и его приятель Артем согласились.

Артем остался в Москве ловить Аню, сбежавшую из Зоны Топь, а он и Ленчик отправились в Белоруссию. Там они выкупили из детских домов двоих детей – Сережу и Танечку. Оба ребенка были нездоровые, умственно отсталые, но Ленчик почувствовал в них потенциал.

Жора знал о криминальной составляющей приключения, в которое он влез. Но он был искренно уверен в правоте их действий. Они фактически спасали детей, давая им возможность справиться со своей болезнью.

Вот когда Ленчик решил выкрасть еще двоих детей, но теперь уже из семьи, Жора отказался в этом участвовать. Тогда Ленчик отправил Жору и Сережу с Танечкой в поселок Топь. Что стало с Ленчиком, никто до конца толком не понял. Знали только, что Анна помешала Ленчику похитить детей.

Поселок и Зона Топь находились на северо-востоке, за сто километров до границы вечной мерзлоты, в лесотундре. Жора привез туда детей в конце августа. Дни были длинными и теплыми, ночи прохладными, но короткими.

Узнав о невозможности выехать из поселка Топь по своей воле, Жора три дня пил, пока руки не стало скручивать, а сердце пропадать в аритмии. Еще два дня он обливался потом, выходя из астенического синдрома. За ним ухаживали все новые знакомые. Аринай и Таня Толстопопик не уставали благодарить за обретенных детей.

Придя в себя, Жора бродил по поселку, ходил за грибами, загорал на сопках. Жил он в комнате офицерского общежития, с отдельным туалетом и душем. Его бесплатно кормили и развлекали, предлагая любые книги, компьютерные игры и фильмы.

Жора свыкся с мыслью о жизни в поселке. Но! Для полного счастья ему не хватало правильного количества женщин. Правильного – это когда женщин на десять процентов больше, чем мужчин. А в Топи соотношение было один к двадцати. Двадцать женщин на четыреста с лишним мужиков, и каждая мнила себя королевой.

Неумолимая жизненная практика показывала, что через полгода воздержания двадцатипятилетний прапорщик начинал смотреть на любую женщину до пятидесяти лет с позиции гормонального вектора.

Жора поселковым женщинам нравился, но каждая была «закреплена» за кем-то из офицеров и менять стабильность отношений на обаятельного «вруна, хохотуна и болтуна» не желала.

А еще Жора стал скучать без работы. Это было новое, необычное чувство. В Москве он его ни разу не испытывал, а тут – на тебе, прорвало. У всех, буквально у всех были общие интересы. Обсуждались ЧП, сплетни, конфликты, а он, веселый и компанейский, оказался за бортом. Захотелось в гущу событий, в коллектив.

С работой Жору выручил случай. При пересчете очередного поступления одноразового постельного белья начальнику административно-хозяйственного отдела Якову Игоревичу доложили о пересортице. Вместо белых прямоугольных простыней прислали квадратные скатерти в сиреневый цветочек. На пятьдесят сантиметров короче требуемого размера и на тридцать шесть штук меньше. Хотя по сумме заказ сходилась.

В момент выяснения математическо-бухгалтерской несурезицы на глаза Якову попался Жорик, который от скуки подыскивал на складе новые занавески на окна.

– Слышь, балагур! Что бы ты сделал в данном случае?

Жора развел руками с двумя комплектами турецких штор, прикидываясь простачком:

– Так не молоко же просроченное. Обменял бы.

– А если они этот обмен затягивают на полгода и дешевле плюнуть на тридцать шесть комплектов?

– То есть как это? – Жора улыбался, «не понимая» сложности вопроса. – Вы крупные оптовые покупатели и рассчитываетесь в срок, так пусть у них голова болит, как с вами отношения не испортить.

– Не успеваю. – Яков с листами накладных в руках перешел от контейнера с одноразовым бельем к контейнеру с продовольствием, взял новые накладные. – Не успеваю доехать на склад этой гребаной фирмы и объяснить, кто кому нужен. А заместитель мой... – Яков посмотрел в сторону лейтенанта, сдерживающего пивную отрыжку, – занят вечным похмельем и выяснять отношения с неточными поставщиками стесняется, твою мать! А общее количество недокомплекта, насколько я помню, к концу года составило сто восемьдесят четыре упаковки. И это только по одной позиции. А какие простыни и салфетки они прислали нам в прошлом месяце? Купидончики с голыми жопками и надписью: «Возвращайся скорей, мой ангел!» Это для нашего контингента рабочих, где все под смертным приговором ходят!

– Дорогой Яков Игоревич... – Жора положил на полку шторы, встал за левым плечом начхозотдела и почти интимно шептал: – Пошлите меня в эту фирму, пожалуйста. Они нам не только задолженность вернут, они коньяк на каждый ваш день рождения присылать будут и благодарственные речи на лакированных открытках.

– Не слишком увлекся? – скептически-весело уточнил Яков и расписался в накладных. – Здесь порядок.

– Может, слегонца и приврал, – согласился Жора, семена за Яковым. – Но вы меня все-таки пошлите. Положительный результат будет. Текст ругательного официального письма я сам составлю.

Через два часа Жора положил на стол начхозотдела письмо-требование с перечислением задолженностей и пересортицей за год.

– А может, найдем другую фирму? Я за два часа нашел в Интернете три другие, но могу еще поискать.

– Фирма-изготовитель, Жора, согласована. – Яков показал толстым пальцем в потолок. – Переоформление договора – дело геморройное.

– А фирма об этом знает? – Жора хлопал ресницами и жмурил глаза.

– Не должна...

– На понт возьмем.

Закинув в рот конфетку, Яков вытер пальцы о салфетку с голым купидончиком, подписал бумагу и поставил печать.

– Поезжай, Жора. Если получится, займешься всем направлением одноразового ассортимента. Заместителя я на сантехнику переведу, пусть с говном возится, алкаш хронический.

На складе фирмы в городе все должности, включая грузчиков, исполняли женщины. Все, кроме поста директора.

Начальствовал ставленник фирмы толстячок Михаил Иванович, присутствующий на работе только телом, но не мозгами.

Оценив обстановку, Жорик метнулся в продовольственный магазин и через полчаса пил с заместительницей директора чай с ликером. Скоро их компания пополнилась главной бухгалтершей Зоей, еще через пятнадцать минут двумя учетчицами.

Женщины, не стесняясь, жаловались на начальника, а узнав, что Жора теперь будет работать с ними постоянно, стали не просто кокетничать, а чуть ли не вылезать из халатов и деловых костюмов, в открытую предлагая себя на сегодняшний вечер и на всю оставшуюся жизнь.

Переночевал Жорик у главной бухгалтерши Зои, молодой женщины выдающихся деловых и теловых качеств. Утром она выглядела помолодевшей, но, сразу правильно оценив Жору, особых планов на будущее не строила.

Ближе к обеду Жора ввалился в кабинет директора склада и положил на стол письмо-требование и свою личную докладную записку с замеченными на складе нарушениями. Пункты докладной ему полночи диктовала Зоя, отвлекаясь на шампанское и сексуальные утехы.

Своей проникновенной манерой разговаривать Жора так напугал директора склада, что тот письменно обещал исправить совершенные ошибки в недельный срок.

– Пока верю, – сурово закончил разговор Жора и забрал расписку.

В поселок он ехал счастливый. Ему светило место небольшого, но начальника. У него была крохотная, но отдельная комната-квартирка и шесть вариантов любовниц. Особенно хороша Зоя. Жаркая, горластая, денежная, как раз каких он любит.

Но при всех преимуществах над ним довлело чувство обиды. Не его выбор – жить в поселке. Заставили. Несвобода заставляла мечтать и рваться в ту, прежнюю, совсем не счастливую жизнь.

И он вырвался. И тоже не по своей воле.
Черт его за х... дернул связаться с Галиной...

* * *

К восьми вечера у нас собралась половина больницы. Восемь больных и четыре человека обслуживающего персонала.

Славно погудели. После банкета, не виданного доселе в стенах вышеозначенного учреждения, медперсоналу осталось пять батонов хлеба, три палки сырокопченой колбасы, несколько пакетов сока и пара-тройка килограммов фруктов в ассортименте. Зато ни капли от последних семи литров кагора и ни грамма черной икры. Я больше налегала на печенку, принесенную Жорой, а Аня на кагор.

Неделя особо питательной диеты из чужой крови, физиологического раствора, глюкозы, черной икры и натуральных соков привела к тому, что мой организм замечательно очистился, и я стала выглядеть моложе. Только синяки на лице до конца не рассасывались.

Аня же ровно наоборот. Она менялась с каждым днем. Бледнела, усыхала и немного постарела, то есть стала выглядеть почти на свой возраст. Она даже двигаться стала как-то заторможенно, и еще изменился запах ее тела. К худшему.

Когда Аня вышла в туалет, я взяла спутниковый телефон подруги и, найдя имя Гена, нажала на «вызов». Мужской голос ответил тут же.

– Привет, Анечка.

– Это не Анечка, это Машенька. Гена, с Аней плохо. Она отдавала мне кровь после аварии, ну вы знаете, и того... Плохо ей. Выглядит отвра-а-атительно. Говорит, ей в Зону нужно возвратиться.

Я заревела в голос.

– Не реви. – Голос устало вздохнул. – Правильно. Без радиации она могла протянуть только год. Ты сможешь посадить ее завтра на самолет или маму ее попросить?

– Зачем маму? – Я обиделась. – Аня мне жизнь спасла, а в аэропорт ее мама повезет? Смешно.

– Если смешно, тогда все нормально. – В трубке телефона было слышно, как Гена закуривает. – Самолет завтра в двенадцать дня. А в своем городе мы ее прямо в аэропорту как королеву встретим.

В половине двенадцатого ночи Валентина, смахнув с усиков красные капли вина, объявила:

– Прикрываем лавочку, нам завтра работать. Эх, Машка, не было у нас таких пациентов. И не будет. Знаешь, какой контингент в деревенской больнице? Старушки с застуженными придатками, мужики с простатитами, у молодняка или чирьи на лице, или переломы по пьянке. Устала я вправлять грыжи и геморрой жутко пахнущим старикам. Надоело ассистировать при абортах. Неужели есть другая жизнь?

– Нет, нет никакой другой жизни, – отозвалась сонная Аня. – Жизнь такая, какой ты ее видишь. Хочешь быть счастливой – будь ею. Ты сама выбрала свою специальность. Или терпи, или уходи.

Вскочила дежурная врач Антонина Георгиевна:

– Мы и терпим. Так, быстренько все убираем, а то Аня засыпает.

Аня лежала на кровати с закрытыми глазами. Я присмотрелась к ее лицу. Под глазами проявились черточки морщинок, на щеке – шелушащееся пятно.

Выходит, Нина была права, выстирав мои вещи, измазанные кровью после аварии. Завтра, не дожидаясь приезда Толи, я отвезу Аню в аэропорт.

Ночью плохо спалось, и, услышав ворочанье с боку на бок на скрипучей больничной кровати, я встала и тихо присела к Анне. Ее взгляд был взглядом совершенно больного человека.

– Не сплю, Маша, спрашивай.

– Аня, и ты, и Гена настаиваете на твоём возвращении в Зону Топь. Но как же сложные отношения с академиком Аристархом? Вдруг он опять захочет поставить на тебе пару опытов?

Аню передернуло от отвращения.

– Уже не захочет, знает, насколько бесполезны его «хотения». Если б было другое место с такими же климатическими условиями и уровнем радиации, я бы ни за что не вернулась в Топь, но пока у меня нет выхода, я привязана. Ну, ты нашла о чем на ночь говорить, теперь буду плохо спать.

Анна поправила длинные русые волосы, протянула ко мне тонкую руку, и я нагнулась ниже. Она дотронулась до моего лба, и мне моментально захотелось спать.

– Иди ложись, завтра будет не просто тяжелый, а очень тяжелый день.

– Да ладно тебе пророчить, – я от души зевнула, и сразу заныли кости на лице и треснувшие ребра, перетянутые эластичными бинтами. – Отвезу тебя и быстренько обратно в больницу. Здесь до аэропорта минут сорок пути. А потом за руль сядет Толик, я пристрою задницу на соседнем сиденье, закрою глаза и постараюсь забыть аварию, как страшный сон.

* * *

Ярко-синяя «Мазда» семилетней выдержки – это липкая лента для мухастых гаишников. Едет приличная тачка, то есть денюжка в правах «на всякий бякий случай» лежит, но машина не настолько крутая, чтобы напороться на неприятности, и шофер какой-то волнующийся. Чего ж не содрать «дорожный налог»?

Пока Жора добрался до станции Белые Столбы, он раздал полтысячи рублей, и даже сами гаишники не смогли бы точно объяснить за что.

Место казалось красивым и приятным, пока Жора не вышел из машины. Конечно, минус двадцать один не минус тридцать, но все равно не май месяц.

Не зная, куда ехать дальше, он подошел к единственной газетной палатке. Окошко было закрыто, и Жора, дрожа от холода, прокричал, выдавая изо рта облака пара:

– А это, как его... учреждение... где оно?

Продавщица за стеклом, одетая для улицы, да еще закутанная сверху в шаль, не стала уточнять, что именно нужно покупателю. Она отлично знала самое популярное здешнее заведение.

Сильно жестикулируя, она показала налево и, кашляя, проговорила маршрут, не вставая с нагретого места.

– Вот так вот по дороге, и через полтора километра вы у цели. Здание еще сталинское, вокруг новые постройки. Понятно?

Кивнув в ответ, Жора вернулся в теплую машину и осторожно поехал по заснеженной дороге.

Скоро показалось большое красивое строение. Жору приятно удивила ухоженность зданий и всего участка.

Охранник в будке с интересом наблюдал за приближающейся машиной. Жора затормозил перед шлагбаумом. Он смотрел на охранника, ожидая, когда тот выйдет. Охранник, не желая морозиться, ждал клиента в будке. Первыми нервы сдали у охранника, и он вышел к машине.

Немного опустив стекло, Жора протянул купюру.

– Пропуск забыл заказать.

Равнодушно взяв купюру, охранник вернулся в будку. Шлагбаум неспешно поднялся. Жора въехал на территорию. Он решил сначала пойти официальным путем. Узнать о местонахождении Ленчика, представившись двоюродным братом.

Затормозив перед ступенями подъезда, Жора несколько секунд сидел, нервно потирая руки в перчатках. Он волновался. Ради встречи с Ленчиком он бросил работу, просидел почти неделю в исконно русской деревне без особых удобств, и теперь...

Открыв дверцу, Жора взбежал по ступенькам, взялся за медную ручку высоких дверей. Нервно оглядевшись, он потянул дверь на себя... И краем глаза прочел табличку на стене: «Госфильмфонд России. Архив»... Это как же? Это что же? Это он куда приехал?

Не решив, заходить в здание или возвращаться в машину, Жора держал полуоткрытой тяжелую дверь.

Напротив него встал охранник в темно-синей форме и смотрел благожелательно, как смотрят работники правоохранительных органов на «своих» работников культуры.

– Холодно, между прочим. Заходите. Вы в основной фонд или по спецзаказу работаете? Обойдя охранника, Жора вошел в просторный холл.

В центре холла усиленно терла пол уборщица с сердитым лицом. Мимо ходили с деловым видом женщины очень-очень среднего возраста, в юбках и мохеровых кофтах времен забытого развитого социализма. Иногда их обгоняли молоденькие девушки, одетые супермодно.

Обернувшись к охраннику, Жорик уточнил:

– А где дурдом?

Он недооценил акустику старого холла. Шепот троекратно отскочил от холодных стен и рассыпался по помещению, разлетаясь дальше, по всему зданию.

Мимо проходящие женщины остановились, с радостью глядя на Жору.

– Дурдом прямо тут! – громко объявила уборщица, громыхнув пластиковым ведром. – Вот он, санитар-охранник, а вон пациентки бегают, зар-разы.

Услышав привычный диалог, сотрудницы синхронно улыбнулись и пошли по своим делам, а уборщица продолжила тереть пол.

Охранник показал Жоре на письменный стол у входа, на котором лежала стопка бумаг и несколько карандашей. Взяв верхний лист, он начертил длинную схему.

– Не знаю, кто из советских литературных классиков написал о том, что психушка находится в Белых Столбах, но лет тридцать нас мучают наездами и посещениями. А это совсем не тут, не в Белых Столбах. Психушка находится на станции Столбы по Курскому направлению, в Чеховском районе, отсюда в ста с лишним километрах.

– Ничего себе крючок сделал. – Жора постучал пальцем по листку, на котором охранник нарисовал схему. – И как же мне отсюда?

Дождавшись человека, желающего с ним общаться, а не пролетающего мимо со снисходительным кивком, охранник с удовольствием рассказывал:

– Выезжаешь из ворот, возвращаешься на станцию, а дальше по схеме. Вот, я тебе нарисовал.

Он передал листок Жоре.

– Держи. А сколько ты на въезде дал? – Вопрос был задан профессиональным тоном.

– Ничего не давал. – Жора внимательно смотрел на схему. – Я через забор перелез. Спасибо тебе за внимание.

Пожав руку охраннику, Жора вышел из здания.

Боясь замерзнуть, он в три прыжка сбежал со ступенек и оказался у машины.

– Эй! – Охранник у входных дверей улыбался. – А автомобиль ты в руках держал, когда через забор лез?

– Нет, – Жора открыл дверцу. – Она сама перепрыгнула.

* * *

Утром не хотелось вставать, шевелиться и вылезать из-под теплых одеял. Но заснуть все равно бы не удалось. Нина в ожидании моего братца копошилась с пакетами, укладывая вещи. В палату постоянно заглядывали то медсестры, то пациенты из соседних палат.

Встав, я увидела над раковиной заново повешенное зеркало, без энтузиазма взглянула в него. Радости собственное отражение не доставило. Синяк расцветился дополнительными желтыми и зелеными оттенками, нижние веки подчеркивались фиолетовыми разводами. До распухшей переносицы было больно дотрагиваться, левая сторона лба и висок желтели неприятным цветом, затылок глухо болел.

Зашедшая Антонина Георгиевна привычно оглядела мое лицо, нажала на переносицу, отчего я заскулила обиженным щенком.

– Срастается, – констатировала врач. – И вообще, ты, Маша, в рубашке родилась. И Аня тебе кстати пришлось с кровью, которой у нас хронически не хватает, и сама ты девушка здоровая, дай Бог каждому. В общем, все будет хорошо, выдюжишь.

Врач похлопала меня по плечу, и эхо похлопывания отдалось в зарастающих ребрах и в низу живота.

Врач вышла, а я прилегла на кровать, успокаивая потревоженное болью тело.

Вот когда показывают по телевизору мордобои, они же дурят людей! Это же так больно! А эти, в кино, мордуют и мордуют друг друга, да еще со смачным звуком, да по одному и тому же месту по пять-шесть раз. Это ж никакие кости не выдержат. Дать бы такому режиссеру-постановщику три раза по башке, пусть ощутит на себе всю силу своего, извиняюсь за выражение, искусства.

Я бы еще лежала и жалела себя, но неожиданно в палату ввалилась тетка в распахнутом запятанном тулупе. Под тулупом топорщилась расстегнутая вязаная кофта, под ней – трикотажное платье фасончика «муж меня бросил двадцать лет назад».

На голове женщины пестрел разноцветный платок, второй, серый пуховый, размером со столовую скатерть, она держала в правой руке. Тут тетку кто-то подтолкнул сзади, и в палату, цокая по линолеуму копытцами, вошла здоровенная коричневая свинья. На толстой шее сверкал собачий ошейник в граненых заклепках.

– Вот, – сказала тетка, глядя прямо на меня и вытирая рукавом лицо. – Отдаю. Откупиться у меня денег нет, а она у меня самое ценное.

– Да вы что? – Я взмахнула обеими руками. – Вы о чем?

Свернув на рукаве тулупа серый платок, чтобы он не волочился по полу, и как бы произведя особое действие, женщина облегченно вздохнула.

– Свинью тебе, Маша, отдаю. Буквально отрываю от сердца.

«Оторвыш» уселся на толстую попу и с любопытством оглядывался. Я признала в хрюшке ту самую особу, которая приходила к нам под окно.

– Свинюшка, надо признать, красивая, но куда я ее дену?

Тетка меня не слушала. Она села на корточки и поцеловала свинью во влажный пятак.

– Она такая умная! А красавица! – Кряхтя, тетка Полина встала с корточек. – Это за то, Маша, что ты меня в тюрьму не посадила.

Заявление было для меня неожиданным.

– Послушайте, не нужен мне такой роскошный подарок.

Оранжевый голос, хихикая, напомнил русскую поговорку: «Не было у бабы печали, купила баба поросю». Тут же влез с комментариями голубенький голосок: «Французы говорят – купил козу и понял, что до этого был счастлив». «Че переживать-то? Пустить эту Хавронью

на окорока – и никаких проблем, сплошная прибыль», – резюмировал болотный, самый противный мой внутренний голос.

Пока я прислушивалась к своим мыслям, тетка накинула на голову пуховый платок и запричитала:

– Ой, ничеготочки ты не понимаешь, Машенька. При тебе да при братике твоём, а он ко мне, красавец-умница, в гости заходил, свинка моя будет ухожена и сытая.

Тетка, негромко голося, в то же время оглядывала палату, Ниночку и особенно Аню. Я пощелкала пальцами, привлекая к себе внимание.

– Ау, тетя Полина! Вы же за свинью деньги платили, в пороках понимаете. А мне она зачем? Эй, куда вы смотрите?

Тетка, отвлечшись от созерцания Ани, повернулась ко мне.

– Действительно, Анна – она того, необычная. – Вытерев еще раз пот со лба, Полина стала разворачивать платок, намотанный на рукав. – За деньги, Маша, не волнуйся, мне и Коля с Ирой дали, и братец твой. А только знаешь, Хавронья моя каждый час норовит сюда, в больницу, сбежать. Неделю сюда бегают, а я за ней. Я свою Хавронью прямо бояться стала. Взгляд умный, хрюкает, как человек.

Здрав морду, свинья принялась и бодро засемила в угол, где у нас хранились продукты, не уместившиеся в холодильник. И тут же начала чем-то хрумкать и чавкать.

С кровати Анны раздался тихий голос:

– Маша, возьми Хавронью, она теперь здесь жить не сможет.

– Вот именно. – Тетка неловко застегивала тулуп. – Еще благодарить будешь.

Пока я вытаскивала из пасти хрюшки батон сырокопченой колбасы, Полина, толкнув дверь задом, сбежала. Тут же в палату заглянула медсестра Валентина.

– Слышь, Маша, я попрощаться заш... – Взгляд ее остановился на Хавронье. – Батюшки светы, дожили! Нет, Машенька, ты ценный пациент, но хрюшка в палате – это перебор.

– Валентина, мне эту хрюшку только что подарили. А хочешь, возьми ее себе.

На секунду задумавшись, Валентина решительно замотала головой:

– Нет, Маша! У меня в хозяйстве свой собственный хряк имеется. Зовут Вася.

– Большой кабанчик?

– Вася – это муж. Двоих свиней в одном доме я не выдержу. Но хрюшку из больницы надо убирать.

– Валечка, – я попыталась улыбнуться, и тут же заныли кости переносицы. – В обед придет Толик, заберет и меня, и Ниночку, и Хавронью...

– Ниночку я еще потерплю, но не хрюшку. Меня из-за нее уволят! Я вчера по пьянке ворчала, а сегодня тебе честно скажу – во-первых, мне нравится работа, а во-вторых и в самых главных, на мое место еще семь желающих. Маша! – Валентина сменила тон. – Не подведи меня, пожалуйста.

– Ладно. – Я запахнула атласный халат, накинутый на пеньюар, и сменила тон с просительного на свой привычный, руководящий. – Через два часа повезу Аню в аэропорт и захвачу Хавронью. Валя, в качестве одолжения, сделай выписку не только на меня, но и на Аню, напиши что-нибудь про сонное состояние. На твой вкус.

Валентина, напрягшись под халатом, оглянулась на плоский телевизор, видимо, примеривалась, куда поставит его в своей квартире.

– Сделаю.

* * *

До железнодорожной станции Столбы под Чеховом Жора добрался к вечеру, уже в темноте. Территория представляла собой почти девственный лес, засыпанный снегом, под которым намечались клумбы и низкие ограды.

На въезде из будки вышли сразу два охранника и на Жорина заявление: «Мне к главврачу», подкрепленное пятисотенной, положительно не среагировали, а потребовали паспорт. Но пятихатку взяли.

Еще раз паспорт у него потребовал охранник в административном корпусе и до кабинета главврача довел лично.

Комплекс зданий психушки при ближайшем рассмотрении выглядел гораздо ободраннее киноархива.

Охранник проводил Жору от самых входных дверей до кабинета главного врача.

Главврачом оказалась женщина, которую запросто могли звать Аврора Крейсер или Брунгильда Айседоровна. Один костюм, больше похожий на френч товарища Иосифа Виссарионовича Сталина, чего стоил, не говоря уж о строгой прическе, золотой толстой цепочке, похожей на ошейник, и алого маникюра на коротких ногтях. Но звали директрису, как гласила табличка у двери, Юлия Гавриловна.

Дизайн кабинета напоминал бы типичный кабинет современного руководителя, если бы не стол. На этом столе можно было разбить пикник, спать втроем и использовать его для рулетки. Длинный, массивный, на львиных лапах, он был из того, позапрошлого, века.

– По какому вопросу? – спросила Брунгильда тоном судьи, зачитывающего пожизненный приговор.

Оглянувшись на стоящего за спиной охранника, Жора откашлялся.

– Брат у меня тут лежит...

Постукивая костяшками пальцев по столу, женщина прорычала:

– Фамилия! Брата!

– Тавренный. Леонид.

Главврач кинула «особый» взгляд на охранника, и тот сделал шаг к Жоре.

– А допуск у вас есть?

– Допуск? – Жора в две секунды решил для себя, что отступить некуда. – Скорее всего, есть, только я не знаю, где его взять.

– Проверим.

Главврач выдвинула ящик и достала телефон, всей конфигурацией намекающий на космические технологии.

Нажав только одну кнопку, Аврора Айседоровна приложила трубку к уху и нахмурилась, ожидая ответа.

– Алло! – рявкнула она. – Господин академик, тут к нашему пациенту приехал какой-то Георгий Салаев, представился двоюродным братом. Пускать?.. Передать?

Жестом борца восточных единоборств Крейсер Брунгильдовна выбросила руку с телефоном вперед:

– С вами хотят поговорить!

Стол был настолько широк, что Жоре тоже пришлось вытянуть руку и почти лечь животом на зеленое сукно столешницы, чтобы взять телефон.

– Алло. Это я, Аристарх Кириллович, Жора. Я подумал, что погорячился, когда решил уехать из Зоны, и...

– Зачем к Ленчику приехал? – Не слушая лишнюю информацию, перебил Академик.

– Я... Я подумал, может, еще какое дело интересное будет, а то совсем закис в Москве, – лепетал Жора.

– Откуда адрес узнал?

– Аня сказала.

– Что? – самоуверенный голос в трубке крикнул от неожиданности. – Когда ты ее видел?

– Вчера. У нее подруга, Маша, в аварию попала, Аня ей помогла выжить.

– Понятно. – Академик немного помолчал, после чего тон его изменился: – Если ты решил искать приключений на свою голову, значит, свободное время у тебя есть. Привезешь Ленчика в Зону. Можешь подождать день-другой?

– Могу. Только я хотел Ленчика увидеть.

– Увидишь. Ждать будешь там, в психушке, гостиницу и питание тебе оплатят. Согласен?

– Я согласен.

– Хорошо. Сиди и жди. Когда настанет время – поймешь. Понаблюдай за ним, попытайся общаться. Передай трубку главврачу.

Голос в трубке был нейтральный, равнодушный, но Жора слышал в нем другую жизнь – поселок Топь, новых друзей и свою грудастую надежную Зойку, по которой соскучился.

Опять через всю ширину стола, почти распластавшись на нем, Жора передал трубку.

Выслушав по телефону указания, главврач оттаяла лицом и стала Юлией Гавриловной.

– Игорь, – обратилась она к охраннику. – Отведи Георгия Владимировича в лучший номер нашей гостиницы. Питание по классу люкс, форма перемещения по территории – свободная.

– Понял, Юлия Гавриловна. А пить ему можно? – косясь на Жору, уточнил охранник.

Главврач показала крепкий кулак:

– Не больше полбутылки водки на лицо. Свободны!

* * *

Нина помогла мне довести Аню до машины. Анна еле передвигала ногами, не открывая глаз. Хавронья запрыгнула в «Лексус» сама.

Перед каждым постом ГАИ меня начинала бить мелкая дрожь. Я не сомневалась, что машину обязательно остановят, и как, спрашивается, я объясню нашу прелестную тройцу?

Мой брат в первый же день после аварии забрал новые вещи из багажника моего «Лексуса», перед тем как отогнать его в ближайший автосервис. И теперь я ехала в куртке, плохо застиранной от крови. Левая рука в ярко-белом гипсе, лицо сильно заштукатуренное, но при ближайшем рассмотрении проступали синяки. На соседнем сиденье спала Анна в соболиной жемчужной шубе стоимостью в ту самую деревеньку, у которой я попала в аварию. А на заднем сиденье, развалившись на кожаном диване, посверкивала собачьим ошейником Хавронья.

Вот что бы я сказала гаишникам, объясняя дурацкую ситуацию? Но почему-то останавливали и штрафовали других, а я ехала на «зеленой волне».

До Шереметьева мы домчались за полчаса.

Поставив машину на стоянку, я живенько побежала выкупать билет.

В кассе зала аэропорта мне, к большому удивлению, выдали два билета. Оба оплаченные.

Я набрала телефонный номер.

– Алло, Гена, а второй билет для кого?

– Для тебя, Маша. – Спокойный, заранее уверенный в моем решении голос. – Аня не сможет самостоятельно добраться. Ей нужно помочь. Я все оплачу.

Не желая усиливать внимание к себе, я вышла из здания аэропорта.

– Да нет же, Гена, это невозможно. – Я шла к машине. – У меня ЧП, у меня свинья на заднем сиденье машины. Ее-то куда девать?

– Какая свинья? – Голос Геннадия стал растерянным и оттого более человечным. – А-а, из-за которой ты вылетела в поле?

– Да. Теперь мне ее подарили.

Звук в трубке был похож одновременно на кашель и смешок.

– Выпусти свинью на волю.

Хавронья смотрела на меня с надеждой.

– Гена, бросать ее нельзя. Она замерзнет, и ее съедят. Аня посоветовала ее взять.

В трубке послышался вздох.

– Тогда вези сюда.

– Не поняла. – Открыв дверцу машины, я стала трясти Анну за плечо, но она не просыпалась, я потормошила сильнее, но не разбудила. – Гена, Аня не просыпается.

– Не удивляюсь. – Голос Геннадия снова стал правильно-дружественным, то есть «никаким». – Думаю, ее сон близок к коматозному состоянию. Найми кого-нибудь в медицинском кабинете, пусть помогут перенести в самолет. Продиктуй мне номер кредитки, я скину тебе денег.

На слово «деньги» мой оранжевый голос заставил руку залезть в карман куртки и достать кредитку.

– Записывай мой счет и пересылай побольше денег. В Москве народ балованный взятками, сумму запросят немаленькую. Я иду к медикам.

В медкабинете сидели мрачный врач и две медсестры – помоложе и постарше. Доктор читал книгу, медсестры листали журналы.

– Помощь нужна. – Подойдя ближе, я выложила на стол две больничные выписки, два авиабилета и шестьсот долларов. – Хочу себя и подругу отвезти к якутскому шаману для прохождения курса нетрадиционной медицины.

Медсестры отложили журналы и смотрели на меня с искренним интересом и пониманием. Врач радоваться не спешил.

– А проблема-то в чем? Имеете право. Даже несмотря на то... – Доктор прочитал Анин анамнез. – Что, видимо, она спит. Да?

– Да. Она спит, – покаянно согласилась я. – Но дело не совсем в этом, дело в свинье.

Теперь все трое смотрели на меня, не отрываясь. Они бы со мной особо не церемонились, если бы не деньги на столе.

– Хавронья, это свинью так зовут, она особенная. Это... – тут меня осенило. – Это оплата за наше лечение. Вы только посмотрите на нее – и сразу поймете, что она необычная. И сделать-то всего надо немного. Внести Аню в самолет и уговорить экипаж самолета пропустить Хавронью. С деньгами вопросов нет. Поможете?

– Ну, как, как... – доктор встал и протянул мне билеты и выписки, – не помочь больному человеку? Сейчас я выпишу вам сопровождение, а девочки... Эльвира, давай к грузчикам, у тебя быстрее получится, а ты, Юлия, к экипажу...

– Я могу к трапу подъехать. У меня «Лексус» на стоянке стоит.

– «Лексус» – это хороший диагноз, это впечатляет. – Врач сел, спрятал деньги в карман и начал писать нужную бумагу.

Думаю, в любом аэропорту если не каждый день, то уж каждую неделю происходят и странные, и трагические, и смешные случаи. Но уверена – наша сегодняшняя посадка в самолет останется в легендах. Она произвела сильнейшее впечатление на всех и каждого, кто соприкоснулся с транспортировкой трех милых девушек.

Я поднималась по трапу сама, Аню поднимали на носилках, Хавронью, визжащую на все летное поле, затаскивали двое грузчиков. Сзади поднимался врач в белом халате и уговаривал всех не волноваться.

Проследив за обустройством Ани и Хавроньи, я села на свое место в самолете и открыла шторку иллюминатора. Зазвонил мой телефон.

– Машка, ты когда в больницу вернешься? Я ж беспокоюсь и за твое здоровье, и за гаишников. – Толя, как всегда, что-то жевал, разговаривая со мной.

– А за них-то с какой радости?

– Жалко мне того инспектора, который решит содрать с тебя штраф.

– Толя, если бы я не сэкономила каждый рубль, мы бы ни дом не купили, ни магазин. Ой, забыла тебе сказать, я лечу в Сибирь, в поселок Топь. Аня впала в летаргический сон и одна не долетит.

– Что? – Голос братца сорвался на дискант. – Куда ты собралась с незаросшими ребрами? Да тебя с самолета снимут! У тебя же внешний вид пострадавшей в пьяной драке в коммунальной квартире.

– А вот и неправда, я уже сижу, смотрю в иллюминатор. Мне Гена денег для взяток выслал. И все взятки сработали. Я тебе из Топи позвоню. За ребенком смотри.

– Ты какого имеешь в виду? – Голос брата был излишне серьезен. – Старшенького или младшенького?

– Только Данилу. И не надо меня подкалывать, у тебя теперь есть Ниночка, сам узнаешь, какова на вкус ревность.

– Ладно. – Брат примирительно заурчал довольным голосом: – Присмотрю и за Данькой, и за Ниной, и за Кириллом. Езжай, если нужно. Своих бросать нельзя.

Самолет плавно взлетел над землей. Рядом со мной в кресле спала Анна, в ногах сопела Хавронья. Стюардесса, которой я лично заплатила триста долларов, принесла три одеяла и поправила ширму, отделяющую наш женский коллектив от других пассажиров.

Да уж, наша тройка и здесь вызывала интерес. Спящая красавица, толстая тетка с гипсом и коричневая Хавронья – колоритная компашка.

«Это чего же такое творится? Это же авантюра!» – возмутился мой оранжевый голос. «А все равно другого выхода у тебя нету, – запел голубенький голосок. – Анечку бросать нельзя». «И чего тебе дома-то делать? – зевнул болотный голос. – Там сейчас будет проистекать роман между Толиком и Ниночкой, и ты будешь мешаться. И Кирилл к тебе только один раз приехал и при этом морщился. Свали от них подальше, пусть соскучатся».

* * *

После приземления я, отодвинув ширму, наблюдала, как из самолета выходили пассажиры. Сидела и ждала помощи, надеясь, что Гена что-нибудь организует, ведь я не могла самостоятельно вытащить Аню и при этом держать свинью. Левая рука тупо ныла под гипсом, Хавронья смотрела на меня непонимающими глазами, словно вопрошая, за каким таким фигом я завезла ее на край земли.

За окном рыхлой занавесью неслась метель.

У выхода из самолета наметилось оживление, и под хихиканье бортпроводниц в салон втиснулся молодой мужчина, в котором я узнала Гену.

Я видела Гену всего один раз, в прошлом году. Уже тогда я обратила на него внимание, несмотря на то что была влюблена в Кирилла. Гена среднего роста, возраста «не молодой, не

старый» и бешеного обаяния. Не сразу замечаешь, какого цвета у него глаза, форма носа и цвет волос. Просто нравится – и все!

Оранжевый голос поздравил меня: «На мужика реагируешь, значит, пошла на поправку». Тут болотный голос добавил: «Только помни о своих, на сегодня просто уникальных, внешних данных... Крррасотка!»

Гена встал передо мной. Оранжевый голос сигнализировал мне, что пора заканчивать игру в молчанку и начинать выбираться из самолета, размять затекшие ноги.

– Ты Машей будешь? – проникновенно поинтересовался Гена.

Я огляделась. Спящая Аня, подхрюкивающая от неопределенности Хавронья, и я – во всей красе восьмидесяти килограммов и с синяком в пол-лица. Больше никого.

– А что, есть другие варианты?

Гена приветливо улыбнулся:

– Извини, не узнал.

Он щелкнул пальцами, и в самолет резво вошли два бойца в теплом обмундировании. На ходу развернув мягкие носилки, они споренько уложили на них Анну, ласково задвинув сапогами Хавронью в угол, чтобы не мешала.

Меня Гена буквально выдернул из кресла, накинул на плечи военный ватник.

– Давай, Маша, быстрее, а то мы распорядок работы аэродрома нарушаем.

– Как нарушаем? – не поняла я.

– За большие деньги. Нас вертолет ждет. Хрюша, топочи за нами.

Разумная свинюшка тут же вскочила на копытца и поцокала к выходу.

Я поспешила за Геной, а он неожиданно оглянулся. Я прям-таки споткнулась на месте, натолкнувшись на заинтересованный взгляд мужчины. Вот это номер! Гена смотрел на меня как на женщину.

Протянув руку, Гена помог мне выйти из самолета. Нет, взгляд у него был нормальный, мне просто померещилось.

Вертолет стоял недалеко. Большой, красивый, защитной военной раскраски. Пропеллеры, один под другим, уже раскручивались, ожидая нас. Мы погрузились за пять минут.

Но надо было видеть лицо пилота, когда он заметил семенящую в арьергарде Хавронью в сверкающем ошейнике.

Летели два часа. Меня мутило. Хрюша первые десять минут смотрела в иллюминатор, а затем, когда на нее накинули запасной тулуп, благополучно заснула.

Аня очнулась на пять минут, улыбнулась Гене и опять уснула. Находясь в тесноте, я была вынуждена сидеть впрыток к Гене. Гена пил коньяк из плоской фляжки маленькими глотками и наблюдал за всеми нами.

То ли от нечего делать, то ли ему действительно было интересно и не противно, но Гена повернул мое лицо к себе.

– Переносица сломана. Ушиб лобных костей, повреждено левое ухо. Больно?

Проморгавшись ото сна, я честно ответила:

– Больно. Еще у меня рука, ребра и гинекология.

– Бедная Аня, – неожиданно для меня сказал Гена. – Такое взять на себя – тяжело. Теперь понятно, почему она в коме. Но запомни главное...

Он сделал очередной глоток коньяка. Мне пришлось сесть прямее, от прикосновений Гены я совершенно расслабилась, приятно кружилась голова. Странно, он совершенно не тех «параметров», что сводят меня с ума, не высокий, не худой... Но все равно голова кружилась.

– Внимательно слушаю.

– Эта инструкция, Маша, обязательна к применению. Главное – не попадаться на глаза нашему Хозяину, генералу Аристарху. Хотя он редко бывает в поселке, у него в Зоне есть кабинет-квартира.

– Прямо любопытно стало. И чем он так страшен?

– Властью, Машенька, властью. На территории поселка, Зоны и ближайшего города он власть абсолютная.

Я потеряла занывший лоб.

– Ты его ненавидишь?

Посмотрев на меня, на Анну, на сержантов, а затем опять на меня, Гена кивнул:

– Да... Но, опережая твой вопрос, скажу – я, да и многие в поселке жить без Топи не можем. По медицинским показаниям.

– Понимаю. – Я зевнула. – Мне Аня в прошлом году рассказывала. Правда, я не все до конца поняла...

Глаза мои сомкнулись, и я привалилась к плечу Гены. А он, глотнув коньяка, как пива, зашептал мне на ухо:

– А если честно, Маша, то столько денег и такой свободы в научных исследованиях я не смогу нигде получить. Мы с ним ненавидим друг друга, но не можем...

– Угу, угу, – пробормотала я и уснула.

Проснулась, когда вертолет сел на плацу военного поселка. До земли развернули небольшую лесенку, с которой я не преминула бы навернуться, но поддержал Геннадий. Хавронью приземлили самым простым способом. Один сержант выкинул ее из вертолета, второй поймал и тут же завалился в снег под ее тяжестью.

На наш выход сбежалась посмотреть половина поселка. Аню выгружали аккуратно, передавая носилки из рук в руки. Ее перенесли в навороченный «Хаммер». За руль сел Гена и куда-то умотал, помахав мне на прощание рукой.

Вертолет поднялся, а я осталась стоять на снежной площади под любопытными взглядами незнакомых людей, с военным ватником на плечах, с прижавшейся к ногам Хавроньей, накрытой старой курткой.

С одной стороны плаца стояло типичное двухэтажное здание столовой и Дома культуры. Еще четыре кирпичных здания смахивали на казармы. Отдельно стояли десятки деревянных домиков с резными раскрашенными наличниками. Вообще поселок был красивый.

Жители, большинство из которых составляли мужчины в военной форме, рассмотрев такую красоту, как я, издали поздоровались и стали расходиться.

Но две отдельно стоящие женщины с детьми наблюдали за мной особо пристально. Детишки, мальчик и девочка лет по пяти, понимающе переглянулись между собой. Мальчик сделал несколько шагов вперед и повис на шее Хавроньи.

Толстушка, держащая за шарф девочку, подошла ближе.

– Вот это да! Таких гостей у нас еще не было. – Она протянула руку: – Татьяна.

Вторая женщина, худее Тани раза в три, с раскосыми глазами якутской богини, свое имя пропела:

– Ари-инай.

– А я Маша, – устало сообщила я. – И понятия не имею, что мне теперь делать, куда идти и как пристроить вот эту животину.

Животина мелко дрожала под съезжающей военной курткой и смотрела на маленького Сережу жалостливыми глазками.

– При-икольно.

Аринай разговаривала как человек, никуда не спешащий, нараспев и медленно. Зато Татьяна говорила быстро и без умолку.

– Нас предупредили о твоём приезде, мы подруги Ани. Будешь жить у нее дома. Мы дом протопили, не замерзнешь. Столоваться будешь в столовой, я ее директор. А хрюшку устроишь на свиноферму. Но завтра. Сейчас там никого нет, все спят.

– Значит, она пока будет со мной.

Опустив глаза, я наблюдала идиллию любви. Мальчик висел на Хавронье, а она терпела, жмурясь от удовольствия.

– А где-е твои-и вещи? – проснулась мамочка мальчишки.

– Нету. – Я развела руками. – Неожиданная поездка получилась. Долго рассказывать.

– При-икольно.

Снега на плацу было по колено, а я в кроссовках. Приходилось все время переступать с ноги на ногу.

– Ой, мамочки, забыла! – Таня жестом фокусника достала из широкой сумки валенки. – Надевай. Влезай прямо в кроссовках. У нас так все ходят, местный колорит. И почапали домой. Мы совсем голодные. Пока вертолет ждали, очень нервничали, но стол не трогали. Ни картошечки, ни селедочки, ни водочки на целебных травках. Пойдем, Маша! Мы так тебе рады!

Татьяна подхватила девочку на руки.

– Ага, ра-ады, – медленно улыбнулась Аринай. – Сережа, идем. И ты, хрю-у-шка.

Я влезла в валенки, и мы всей компанией побрели к низкому дому, в котором Аня провела несколько лет. С неба падал густой снег, обещавший потепление.

– А откуда можно позвонить, девочки? У меня телефон не берет.

– А здесь сотовые ни у кого не берут, только спутниковые. – Я уже собралась расстроиться, но Таня продолжила: – Дома через коммутатор закажешь разговор. Не дрейфь, все путем.

Из трубы «пряничного», с белыми наличниками дома шел дым. От всего поселка веяло спокойствием. Таня и Аринай казались давно знакомыми, дети милыми, Хавронья довольной.

И я поверила, что все будет хорошо. Самоуверенная толстая дура.

* * *

Академик положил посередине письменного стола чистый лист бумаги. За ним выставил хрустальный квадрат коньяка и три серебряные стопки. Академик все время так пил, с прицепом, не желая каждый раз суетиться и наклонять тяжелую бутылку.

Сегодня прибыла Анна, через два дня доставят Ленчика. Жизнь может сделать очередной неожиданный поворот. Пора подвести дебет-кредит. Нельзя обстоятельствам довлеть над тобой, лучше самому создавать обстоятельства.

Разлив коньяк, Академик взял в правую руку авторучку, в левую стопку. Выпив первые тридцать граммов, он записал первую цифру – тридцать семь. Тридцать семь лет назад, закончив факультет радиобиологии Ленинградской военно-медицинской академии, он, будучи капитаном медицинской службы, был направлен для прохождения службы сюда, в поселок и Зону Топь, на радиоактивные рудники.

Официально рудник назывался Обоганительной урановой фабрикой. В ее штате трудились ученые, следящие за сложным, тогда почти космическим оборудованием, а рабочими вкалывали приговоренные к высшей мере наказания уголовники. Охранял уголовников полк МВД.

О том, что тогда увидел здесь капитан Аристарх Кириллович Лоретов, можно было писать триллер или докладную в Центральный Комитет Коммунистической партии СССР. У него хватило ума не писать ни того ни другого.

Уже тогда Топь была «сама в себе» и подчинялась только высшему руководству в Москве.

К моменту, когда Аристарх стал полковником и организовал прекрасную исследовательскую лабораторию, радиоактивная руда истощилась. Объемы добычи сокращались.

Наступили беспутные девяностые. Разруха в умах, в производстве и в армии. Но Топь не закрыли. В Зоне накапливались медицинские феномены. И Аристарх как талантливый, можно смело сказать самому себе, гениальный ученый-медик не упустил ни одного факта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.